

ВЕСТНИК

Самарского Государственного
Технического Университета

Серия «Философия»

VESTNIK

of Samara State
Technical University

Series «Philosophy»

ВЕСТНИК

Самарского Государственного Технического Университета

Серия «ФИЛОСОФИЯ»

2022
Том 4
№ 1

Научный рецензируемый журнал по философии
Издается с 2019 года. Выходит 4 раза в год

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Самарский
государственный технический
университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного насле-
дия, свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС 77-75250 от 07.03.19

Индексация:

РИНЦ (Science Index)
Cyberleninka

Контакты:

Адрес: 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244,
главный корпус

E-mail: : vestnik.filosofii@yandex.ru
Тел.: +7 (846) 339-14-95
<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

Распространяется по подписке:

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» — И 41340

Формат 70 × 108/16. Усл.-печ. л. 8,75.
Тираж 500 экз. Цена свободная

Оригинал-макет изготовлен
ООО «Эко-Вектор Ай-Пи»,
191186, Санкт-Петербург,
Аптекарский переулок, 3А, 1Н

Редактор С.В. Фокина
Вып. редактор Ю.А. Петропольская
Компьютерная верстка А.Г. Хуторовской

Отпечатано в типографии Самарского госу-
дарственного технического университета.
443100, Самара, ул. Молодогвардейская,
244. Тел.: +7 (846) 339-14-95. Заказ № 245
Подписано в печать 30.03.2022
Дата выхода в свет 17.05.2022

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения редакции, ссылка на журнал
обязательна

© Авторы, 2022

© ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет», 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.А. Шестаков, д-р филос. наук, проф. (Самара, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В.Б. Малышев, д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Р.О. Исаев, канд. филос. наук, доцент (Самара, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Голубев — д-р филос. наук (Уральск, Республика
Казахстан)

И.И. Докучаев — д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.В. Костецкий — д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.И. Кудашов — д-р филос. наук, проф. (Красноярск, Россия)

А.Ф. Кудряшев — д-р филос. наук, проф. (Уфа, Россия)

В.И. Миськевич — канд. филос. наук, доц. (Минск, Республика
Беларусь)

В.П. Филатов — д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Л.М. Фридман — д-р тех. наук, проф. (Мехико, Мексика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Шестаков — д-р филос. наук, проф. (Главный редактор)
(Самара, Россия)

Е.В. Бакиштова — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

Б.Л. Губман — д-р филос. наук, проф. (Тверь, Россия)

И.В. Демин — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.Б. Малышев — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.Ю. Нестеров — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.А. Нехамкин — д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Э.А. Тайсина — д-р филос. наук, проф. (Казань, Россия)

В.Т. Фаритов — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.А. Хамидов — д-р филос. наук, проф. (Алма-Ата, Республика Казахстан)

М. Чарноцкая — Ph.D., Prof. (Варшава, Республика Польша)

М.В. Юсупова — Ph.D. (Ланкастер, Соединенное Королевство
Великобритании и Северной Ирландии)

М. Накамура — Ph.D. Prof. (Осака, Япония)

М.Р. Диско-Шуман — канд. филос. наук, доц. (Минск,
Республика Беларусь)

VESTNIK of Samara State Technical University

Series «PHILOSOPHY»

2022
Volume 4
No. 1

SCIENTIFIC PUBLICATION. Published since 2019. Four issues a year

Founders

Samara State Technical University

Registered in the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Communications (Roskomnadzor).
ПИ №ФС77-75250 of March 7, 2019

Indexation

Russian Science Citation Index
Cyberleninka

Editorial contact

Address: 244, Molodogvardeyskaya st.,
Samara, 443100,
Russian Federation

E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru
Тел.: +7 (846) 339-14-95
<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

Subscription

Open Access for all users on website.
Print version is available via "Russian
Post" service with index И 41340

Publisher

LLC "Eco-Vector IP"
Aptekarskiy lane 3, A,
office 1H, Saint Petersburg,
Russia, 191186
Phone: +7(812)648-83-67

EDITOR-IN-CHIEF

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Samara, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Ass. (Samara, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY OF THE EDITORIAL BOARD

R.O. Isaev, Ph. D. (Samara, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

A.V. Golubev, Dr. of Sciences (Uralsk, Republic of Kazakhstan)

I.I. Dokuchaev, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.V. Kostetsky, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.I. Kudashov, Dr. of Sciences, Prof. (Krasnoyarsk, Russia)

A.F. Kudryashev, Dr. of Sciences, Prof. (Ufa, Russia)

V.I. Miskevich, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic
of Belarus)

V.P. Filatov, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)

L.M. Friedman, Dr. of Sciences, Prof. (Mexico City, Mexico)

EDITORIAL BOARD

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Editor-in-chief) (Samara,
Russia)

E.V. Bakshutova, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

B.L. Gubman, Dr. of Sciences, Prof. (Tver, Russia)

I.V. Dyomin, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

A.Y. Nesterov, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.A. Nehamkin, Dr. of Sciences, prof. (Moscow, Russia)

E.A. Taysina, Dr. of Sciences, prof. (Kazan Russia)

V.T. Faritov, Dr. of Sciences, Assoc. (Ulyanovsk, Russia)

A.A. Khamidov, Dr. Sciences, prof. (Alma-Ata, Republic of
Kazakhstan)

M. Czarnocka, Ph. D., Prof. (Warsaw, Republic of Poland)

M.V. Yusupova, Ph. D., (Lancaster, United Kingdom of Great
Britain and Northern Ireland)

M. Nakamura, Ph. D., Prof. (Osaka, Japan)

M.R. Dysko-Shuman, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk,
Republic of Belarus)

СОДЕРЖАНИЕ

■ ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ЧЕЛОВЕК

М.А. Можейко

Дифференциация традиционных культур Востока и Запада: детерминанты и параллели 5

■ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В.Т. Фаритов

Постметафизическая метафизика Л.П. Карсавина 11

■ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Э.А. Тайсина

Является ли знание обоснованным истинным убеждением? 23

Е.А. Тюгашев

Стратегия рефлексивной коммуникации в постнеклассической науке
(из методологического опыта В.Н. Борисова и В.П. Фофанова) 29

Р.Р. Мухин

Феномен качественной теории в междисциплинарном контексте 37

■ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Ю.Л. Баньковская

Сетевой подход как методология исследования социальных конфликтов
и рисков современной цивилизации 43

А.И. Лойко

Технологии цифровых экосистем 49

А.П. Федяев

О новом образе мироздания в эпоху постнеклассики: мифологический аспект 57

■ ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Т.В. Филатов

К вопросу о перманентной творческой эволюции Людвиг Витгенштейна 65

■ ТРИБУНА АСПИРАНТА

Ю.В. Буртовая

Научный капитал в контексте гендерной проблематики 71

И.А. Сорочайкин

Методологические проблемы развития философии в эпоху цифровой реальности 79

■ НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

А.А. Шестаков

Наука и философия в перспективе развития общества знания: обзор научной конференции
«мировоззренческие ориентиры постнеклассической науки» (Борисовские чтения) 84

CONTENTS

■ SOCIETY. CULTURE. PERSON

M.A. Mojeiko

Differentiation of East and West Traditional Cultures: Determinants & Parallels 5

■ ACTUAL PROBLEM OF RUSSIAN PHILOSOPHY

V.T. Faritov

Post-metaphysical metaphysics L.P. Karsavina 11

■ PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

E.A. Taysina

Is Knowledge a Justified True Belief? 23

E.A. Tyugashev

Reflexive communication strategy in postnonclassical science
(from the methodological experience of V.N. Borisov and V.P. Fofanov) 29

R.R. Mukhin

The phenomenon of qualitative theory in an interdisciplinary context 37

■ PHILOSOPHY AND THE MODERN WORLD

Yu.L. Bankovskaya

The network approach as a methodology for the study of social conflicts
and risks of modern civilization 43

A.I. Loiko

Technology of digital ecosystems 49

A.P. Fedyaev

About the new image of the universe in the postnonclassical era: the mythological aspect 57

■ FOREIGN PHILOSOPHY: HISTORY AND MODERNITY

T.V. Filatov

To the question of the permanent creative evolution of Ludwig Wittgenstein 65

■ GRADUATE STUDENT TRIBUNE

J.V. Burtovaya

Scientific capital in the context of gender 71

I.A. Sorochaykin

Methodological problems in the development of philosophy in the digital age 79

■ SCIENTIFIC LIFE. REVIEWS

A.A. Shestakov

Science and philosophy in the perspective of development: review of the scientific conference
"worldviews of postneoclassical science" (Borisov readings) 84

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА: ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПАРАЛЛЕЛИ

© М.А. Можейко

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск,
Республика Беларусь

Поступила в редакцию 11.12.2021

Опубликована 28.03.2022

■ Для цитирования: Можейко М.А. Дифференциация традиционных культур Востока и Запада: детерминанты и параллели // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.1>

Аннотация. Объектом исследования выступает дифференциация традиционных культур Запада и Востока. Целью является экспликация детерминант фундаментальных различий традиционных культур восточного и западного образца. Статья посвящена решению такой проблемы, как выявление параллелизма различий восточных и западных культур в таких сферах, как нравственное сознание, тип философствования, религиозные установки, языковые системы (грамматические конструкции, в частности) и др. Полученный результат представляет собой целостную модель дифференциации традиционных культур Запада и Востока, что позволяет глубже понять как их специфику, так и механизмы взаимовлияния, а также моделировать пути их взаимодействия в современных условиях с учетом автохтонных особенностей тех и других.

Ключевые слова: Восток; Запад; традиционная культура; нравственное сознание; тип философствования; религия; язык.

DIFFERENTIATION OF EAST AND WEST TRADITIONAL CULTURES: DETERMINANTS & PARALLELS

© М.А. Mojeiko

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted 11.12.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Mojeiko M.A. Differentiation of East and West Traditional Cultures: Determinants & Parallels. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.1>

Abstract. The object of the research is the differentiation of traditional Orient and Western cultures. The aim is to explicate the determinants of its fundamental differences. The article is devoted to solving such a problem as identifying the parallelism of Eastern/Western differences in such different areas as moral consciousness, the type of philosophizing, religious, language systems (grammatical constructions, in particular), etc. The result obtained is the holistic model of differentiation of traditional cultures, which allows a deeper understanding of their specificity, mechanisms of mutual influence, as well as modeling the ways of their modern interaction, taking into account the autochthonous features of both.

Keywords: East; West; traditional culture; moral consciousness; type of philosophizing; religion; language.

В структуре любого акта деятельности можно выделить субъектную и объектно-предметную составляющие: с одной стороны — действующий субъект (актор), его цели и знание технологий, с другой — предмет деятельности с его свойствами, которые трансформируются желательным для человека образом, превращая предмет человеческого воздействия в продукт, соответствующий поставленной цели.

Эта структура универсальна, однако в культурах Запада и Востока ее осмысление осуществляется с различной акцентировкой: для западных культур характерен акцент на субъектной составляющей деятельности, для восточных — на объектно-предметной.

Связано это с тем, что, социальность западного образца (начиная с античности) основывается на ремесленном производстве, которое делает очевидным преобразующее воздействие мастера на материал — от эксплицитной формулировки цели до осознания авторства в отношении созданного изделия. Ремесленник в Древней Греции именовался *δημιουργός*, т. е. *создатель, творец*. Это спровоцировало своего рода преобразовательский активизм античности: например, прокладывая дорогу, препятствия рельефа не обходили, но именно преодолевали: вырубали ступеньки на склонах гор, срывали холмы и т. п., и дорога получалась прямой, как стрела, ведя к цели без отступлений от нее.

В итоге такая установка инспирирует формирование в культуре западного типа представление о человеке как о субъекте, чьи усилия создают из сырья продукт, а в перспективе — как о выделенном из природы преобразователе мира, что в эпоху Ренессанса приводит к возникновению трактовки человека как *царя природы*.

В отличие от этого ранние восточные общества, основанные на сельскохозяйственном производстве, центрируют внимание на самой трансформации предмета в продукт, воспринимая ее как спонтанный природный процесс: рост злаков, созревание плодов и т. п. Человек в ее системе отсчета мыслится как часть мироздания (а потому естественный фактор контекста протекания этих процессов).

В соответствии с этим деятельностный акт воспринимается синкретично: субъектная его составляющая не противостоит объектно-предметной, акцент делается на превращении предмета в продукт посредством изменения его свойств (а в силу течения времени или под воздействием внешних условий, куда относится и человек с его усилиями, — это, в сущности, неважно).

Это находит свое отражение в аксиосфере восточной культуры: в ряду достоинств человека на передний план выдвигается достижение гармонии с окружающим миром, — в отличие от западной культуры, видящей главное достоинство личности в самореализации посредством природопреобразующей деятельности и активизма в целом.

Указанные различия в осмыслении деятельностного акта находят свое выражение в различных сферах культуры Запада и Востока.

В целом западная культура выстраивает себя на основе субъект-объектной оппозиции как своей несущей смысловой оси, и именно на этом фундаменте формируется такое порождение новоевропейской истории, как *наука*. В основе научного познания не просто лежит противопоставление субъекта и объекта, но безоговорочное признание внеположенности объекта познающему субъекту

и — как следствие — неукоснительный объективизм в качестве нормативного требования, предъявляемого к корректным когнитивным процедурам.

Выразительные различия могут быть зафиксированы и в сфере *нравственного сознания*. Так, активная жизненная позиция выступает имплицитным основанием нравственности западного образца, начиная с этических нормативов античной культуры. К примеру, согласно принятому Солоном закону, гражданин полиса лишался своего статуса и прав, если во время конфликта любого масштаба (вплоть до обычных уличных беспорядков) он не принял ту или иную сторону, поддержав ее с оружием в руках. В этом плане чрезвычайно показательна реакция Гомера на поведение Ахиллеса, чей отказ от участия в боевых действиях описывается как настолько радикальный шаг, что требует для своего описания прямо-таки божественных усилий («Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»). Между тем в контексте восточной морали это было бы воспринято как совершенно обычная практика: уединиться, чтобы изжить обиду и восстановить как внутреннюю гармонию, так и гармонию с внешним миром.

В даосизме недеяние (*у-вэй*) однозначно доминирует над активностью как таковой (*вэй*): согласно «Дао-Дэ Цзин», «когда состояние отсутствия стремлений осуществляется посредством покоя, тогда выправление Поднебесной будет происходить само собой», и потому «пусть <...> будут десятки и сотни приспособлений-инструментов, а не применяют», «есть лодки и колесницы, а никто на них не ездит» [1, с. 23–65]. Более того, восточная традиция склонна негативно воспринимать избыточный активизм, что отчетливо проявляется в традиционном восточном сюжете, варьирующемся от индийской поговорки *не тяни лук за перья* — до китайской притчи о человеке из царства Ли, который, посадив злаки, потягивал их из земли, торопя их рост, и в результате остался ни с чем.

В *религиозном сознании* также можно усмотреть подобную дифференциацию.

Поскольку в культуре западного типа оформляется стиль мышления, основанный на субъект-объектной оппозиции, постольку любой результативный процесс мыслится как акт активности субъекта — своего рода Автора наблюдаемого результата. Это выступает одной из важнейших детерминант формирования креационизма, трактующего мироздание как продукт божественного творения. Даже развитие естествознания, ориентированного на исследование естественных законов природы, сохраняет эту установку, порождая деизм, согласно которому Бог творит мир (подобно тому, как часовщик заводит часы), и пусть далее стрелки двигаются уже по механическим законам, в основе — творческий акт, не только запускающий природные процессы, но и заранее создающий закономерности их протекания.

В отличие от западного теизма, мыслящего Абсолют в качестве персонафицированного Бога, открытого для субъект-субъектных отношений (пусть вертикальных, но тем не менее личных), нетеистические религии доисламского Востока артикулируют сферу трансцендентного в качестве безличных сущностей, прокладывающих объективный вектор своей реализации сквозь случайности бытия. К *дао* нельзя обратиться с мольбой сердечной.

В сфере *философского мышления* теоретические модели универсума, предлагаемые мыслителями Запада и Востока, также строятся на принципиально различных основаниях.

Так, философия Востока моделирует космогенез в качестве спонтанного процесса. Например, философская теория *жань* трактует мироздание как продукт взаимного резонирования сущности вещей: каждая вещь характеризуется *цзы-жань* (т. е. изначально присущим ей автохтонным *самокачеством*), вещи с одинаковым *жань* поддерживают *жань* друг друга, тем самым их качество беспримесно автохтонно. Привнесенное качество — *чжи-жань* — нарушает эту автохтонность и является результатом внешнего усилия (в качестве примеров выступают, как правило, вываривание индиго в синюю краску или воспитание ребенка), и это привнесенное (фактически навязанное) *жань* в аксиологии данной модели существенно уступает *самокачеству*.

Для натурфилософии Запада, напротив, характерны такие модели космогоний, в которых четко обозначается целеполагающий субъект космосозидания (как *нус* — разум — у Анаксагора, например). Наиболее выразительна в этом плане модель космогенеза, предложенная на позднем этапе развития античной философии: так, Аристотель, обозначая причины оформления мироздания, фактически повторяет компоненты деятельностного акта: действующая причина (субъект), целевая причина (его целеполагание), формальная причина (оформляющие продукт технологии) и материальная причина (предмет преобразования). Как видим, лишь последняя причина обозначает объектно-предметную составляющую деятельности, в то время как субъектная расписана дифференцированно и подробно. Соответственно, коль скоро акцент делается на ней, постольку и субъект выступает как инициатором и актором процесса, так и автором результата.

Аналогичные различия можно наблюдать и в *грамматических структурах языка*. Например, это ярко проявляется в разнице базовых функционально-семантических оппозиций восточных и западных языков. Так, в древнекитайском языке *вэньянь* основную оппозицию составляют имя и предикатив (прилагательные и причастия, выполняющие в структуре предложения функцию определения). В схеме деятельностного акта (события), которую выражает предложение в своей грамматической структуре, им соответствует акцентированная в восточной культуре объектно-предметная составляющая: имя выражает предмет воздействия, а предикатив — его трансформирующиеся свойства.

В отличие от этого, в западных языках центральная функционально-семантическая оппозиция задается именем и глаголом, что центрирует внимание на субъекте и действиях, осуществляемых им как актором. Соответственно, если в древних восточных языках доминируют грамматические конструкции пассива (типа *олень убит охотником*), то в западных — активные грамматические конструкции (типа *охотник убил оленя*). В силу этого при описании спонтанных процессов в западных языках практикуется феномен так называемого *примысленного субъекта*: от конкретно персонифицированного *Зевс дождит* в древнегреческом языке — до безличного (но, тем не менее, в обязательном порядке указывающего на актора процесса) *it is raining* в современном английском.

И — предельно снижая пафос после анализа религиозного сознания — даже *игры*, практикуемые в культурах Востока и Запада, принципиально отличаются друг от друга. Например, пришедший с Востока серфинг предполагает

органичное вписывание человека в волну, ее скорость и ритм, слияние с природным процессом, в то время как водные лыжи Запада механически разрезают волну, нимало не заботясь о ее направлении.

Нельзя не отметить, что переход к индустриальному типу общества во многом трансформировал указанные различия и сгладил жесткость дифференциации традиционных культур Востока и Запада.

Так, в конце XIX—начале XX в. фундаментальность субъект-объектной оппозиции была поставлена европейской культурой под сомнение, что связано с формированием неклассической науки и неклассической философии. В частности, в естествознании Копенгагенской школой был сформулирован отказ от безусловности внеположенной позиции субъекта в отношении приборной ситуации. В философии на рубеже XIX–XX вв. наблюдается кризис классических онтологических моделей — так называемый *кризис онтологии*, приведший к своего рода экзистенциализации традиционных для онтологии проблемных полей: интерпретация Г.-Г. Гадамером *открытого для понимания бытия* в качестве *Я, опыт феноменологической онтологии* Ж.-П. Сартра, *Dasein* М. Хайдеггера, и мн. др., что также размывало безусловность противоположения субъекта и объекта. Фундаментальная для классической культуры Запада субъект-объектная оппозиция начинает подвергаться открытой критике со стороны и естествознания, и гуманитаристики. Раскол нашего мира на две чуждых друг другу сферы начинает осмысливаться в негативном ключе, причем не только в экологической проекции, но, прежде всего, в отношении самого человека, деформации его природы. По формулировке Ж. Моно, союз субъекта и объекта, этот «древний союз разрушен», в силу чего современный «человек <...> осознает свое одиночество в равнодушной бескрайности Вселенной» [2, р. 180]. Здесь с очевидностью обнаруживает себя тенденция смягчения радикализма субъект-объектной оппозиции как таковой и принятия более интегрального видения мира, для традиционной культуры Запада отнюдь не характерная.

Разумеется, очевиден и встречный вектор, а именно — адаптация восточной культурой многих установок и практик западной традиции (при безусловном сохранении исходной специфики, которая в условиях современного этапа глобализации всемерно актуализируется в контексте тенденций глокализации [3], что проявляется в таких векторах развития, как стремление Японии *вернуться в Азию*, *индуизация* и *санскритизация* Индии и т. п. [4, р. 1–2]).

Корректный учет этих обстоятельств может служить эффективной основой конструктивного диалога Востока и Запада в реалиях современности.

Список литературы

1. Антология даосской философии. Москва: Товарищество «Клышников – Комаров и К°», 1994. 447 с.
2. Monod J. Chance & Necessity. An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology / J. Monod. New York: Vintage Books, 1972. 225 p.
3. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. London: W.W. Norton & Co., 2003. 304 p.
4. Dwivedi A. Sanskritization (Hinduism) // Hinduism and Tribal Religions / Ed. by P. Jain, R. Sherma, M. Khanna. Springer (Netherlands), 2018. P. 1–2.

References

1. Anthology of Taoist philosophy. Moscow: Partnership «Klyshnikov – Komarov and Co», 1994. 447 p.
2. Monod J. Chance & Necessity. An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology. New York: Vintage Books, 1972. 225 p.
3. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. London: W.W. Norton & Co., 2003. 304 p.
4. Dwivedi A. Sanskritization (Hinduism) // Hinduism and Tribal Religions. Ed. by P. Jain, R. Sherma, M. Khanna. Springer (Netherlands), 2018. P. 1–2.

Информация об авторе

Марина Александровна Можейко, доктор философских наук, профессор, профессор УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск, Республика Беларусь.

E-mail: marina-mojeiko@yandex.by

Information about the author

Marina A. Mojeiko, Doctor of Philosophy, Professor, Professor «Belarusian State University of Culture and Arts», Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** marina-mojeiko@yandex.by

ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА Л.П. КАРСАВИНА

© **В.Т. Фаритов**

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию 14.01.2022

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Фаритов В.Т. Постметафизическая метафизика Л.П. Карсавина // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.2>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению пути русской религиозной философии в перспективе кризиса европейской метафизики. На основании анализа концепций Л.П. Карсавина и Ф. Ницше в статье обосновывается тезис, что философии Карсавина характеризуется постметафизической направленностью. Осуществляется сравнительный анализ учений Л. Карсавина и Ф. Ницше.

Ключевые слова: европейская метафизика; русская философия; богословие; Л.П. Карсавин; Ф. Ницше.

POST-METAPHYSICAL METAPHYSICS L.P. KARSAVINA

© **V.T. Faritov**

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Original article submitted 14.01.2022

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Faritov V.T. Post-metaphysical metaphysics L.P. Karsavina. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):11–22. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.2>

Abstract. The article is devoted to comprehending the path of Russian religious philosophy in the perspective of the crisis of European metaphysics. Based on the analysis of the concepts of L.P. Karsavin and F. Nietzsche, the article substantiates the thesis that Karsavin's philosophy is characterized by a post-metaphysical orientation. A comparative analysis of the teachings of L. Karsavin and F. Nietzsche is carried out.

Keywords: European metaphysics; Russian philosophy; theology; L.P. Karsavin; F. Nietzsche.

Период с конца XIX столетия в европейской философии ознаменован кризисом метафизики и становлением постметафизической философии [1]. Русская философская мысль на первый взгляд обнаруживает отставание в этом направлении: пока на Западе активно разрабатываются учения и направления постметафизического толка, в России примерно в это же время происходит всплеск метафизической философии. Русская метафизика пробуждается внезапно и неожиданно — учитывая ее фактическое отсутствие на протяжении целых столетий. Создается впечатление, что в лице наиболее ярких своих представителей (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.) отечественная философская мысль остается незатронутой событиями, происходящими в европейской метафизике. Русская философия как будто движется против течения, в противоположном направлении, игнорируя магистральные направления современного историко-философского процесса. Отсюда возникает соблазн говорить о несовременности и неактуальности русской философской мысли: на Западе активно разрабатываются феноменология, аналитическая философия, постпозитивизм, постструктуралистские и конструктивистские направления, а у нас — метафизика... Все равно как если бы в период квантово-релятивистской физики и синергетики у нас бы начали открывать закон всемирного тяготения...

Однако ситуация не столь проста и однозначна, как может показаться на первый взгляд. Определение русской метафизики в качестве запоздалого усвоения наследия западного философствования классического типа — лишь один из вариантов прочтения. Русская метафизика настолько сложна и неоднородна, что позволяет эксплицировать в ней постметафизические тенденции. Причем эти тенденции не исключают *метафизической* направленности русской философии. Русская философская мысль *постметафизична* по отношению к европейской метафизике — к сложившемуся в данной парадигме пониманию метафизики. И в этом ракурсе следует искать точки пересечения русской философии не с Кантом и Шеллингом, но с Ницше и Хайдеггером. С другой стороны, и в своих постметафизических тенденциях русская философия *метафизична* — но это уже совсем другая метафизика, не европейского образца. По отношению к европейской метафизике русская метафизика постметафизична.

Раскроем данный тезис на материале анализа учения Л.П. Карсавина. С. Хоружий обращает внимание на следующую особенность оценки наследия русского мыслителя: «на исходной стадии современной рецепции, сформированной классическими уже "Историями русской философии" Лосского и Зеньковского, Карсавин твердо квалифицировался как *философ всеединства*, автор одной из больших систем метафизики всеединства, составляющих центральное ядро философии Серебряного Века. Но метафизика всеединства, в целом, отвечающая дискурсу классической европейской метафизики, к концу 20 в., в свете длительного процесса "преодоления метафизики", воспринималась уже как принадлежность истории, как философское направление, идеи и язык которого не отвечали задачам современного философствования. И здесь начало обнаруживаться, что мысль Карсавина допускает также другие, вполне уже современные прочтения» [2]. «Современные прочтения» — вовсе не продукт субъективных реинтерпретаций в горизонте вышедших переводов Гуссерля и Хайдеггера, Делеза и Бенямина. Порожденная этими переводами волна

эпигонских текстов представляет собой очередную преграду на пути к адекватному осмыслению наследия русских мыслителей в контексте историко-философского процесса. Следует быть осторожными и избегать крайностей. Русская религиозная философия не метафизична (в сравнении с классической европейской метафизикой) и не антиметафизична (в свете магистральных тенденций современной европейской философии). Оригинальная русская философская мысль представляет собой *постметафизическую метафизику*.

1. Тень гегельянства: диалектика всеединства

На первый взгляд учение Л.П. Карсавина представляет собой вариант русского гегельянства (И. Ильин, С. Франк [3; 4]), в котором гегелевская диалектика сочетается с метафизикой всеединства. Мы осуществим в настоящей части исследования экспликацию гегелевских мотивов учения Карсавина в виду обоснования следующих тезисов: 1. Рецепция концептуальных разработок Гегеля у Карсавина частично обусловлена европейской псевдоморфозой русской мысли [5]; 2. Карсавин ориентирован на выход за пределы сугубо европейского, «классического» характера гегелевского учения; 3. Сама философия Гегеля обнаруживает постметафизические тенденции, которые представлены в его учении наряду с установками классической европейской метафизики [6].

Наиболее очевидным гегельянским аспектом философии Карсавина выступает его диалектика всеединства. Русский мыслитель ориентирован не на абстрактное единство, противостоящее множеству и множество исключающее, но на всеединство конкретное, включающее в себя все множество моментов: «Но всеединое тварное бытие должно мыслить не как отвлеченное единство и не как систему множества. Оно всеедино, т. е. и едино, и все, и всяческое, все свои моменты и каждый из них» [7, с. 529]. В свою очередь, каждый отдельный момент является всеединством: «Каждый момент может и должен быть всеединством, а следовательно, и всеми прочими, но может только в своем индивидуальном бытии — как особая индивидуализация всеединства» [7, с. 529]. При этом момент не утрачивает своей индивидуальной специфики, не растворяется во всеединстве, но в своей индивидуальности раскрывает всеединство в особом, именно ему присущем аспекте. Тем самым преодолевается характерная для классической европейской метафизики оторванность конечного от бесконечного.

Однако данное преодоление абстрактной метафизики не является заслугой русской философии. Весь описанный выше ход мысли был детально проработан Гегелем — в первой части «Науки логики». Уже в диалектике Гегеля установка на преодоления метафизики заявила о себе в полной мере на почве европейской философии. На этом основании следует сделать вывод, что первым неклассическим философом на Западе является не Шопенгауэр и не Ницше, но Гегель. Задолго до Хайдеггера и Деррида Гегель осуществил наиболее последовательную деструкцию и деконструкцию европейской метафизики. Но несмотря на это и вместе с тем Гегель остается и наиболее классическим философом во всей истории европейской метафизики. Преодолевая схему, конструкцию европейской метафизики немецкий мыслитель доводит базовую установку всей западной философии — понимание бытия как разума — до абсолютного утверждения.

Именно эта двойственность, двунаправленность гегелевского мышления делает его учение как центром притяжения, так и точкой отталкивания для столь многих представителей русской философии. Карсавин в этом плане не составляет исключения. В особенности его «Философия истории» изобилует гегелевской терминологией: «Всякое становление момента есть погибание другого. Равным образом, всякое усовершенствование момента есть выход его за грани эмпирического бытия и снятие этих граней. Усовершеншаяся, момент становится в инобытие и тем самым перестает эмпирически быть. Но в усовершенности он не только эмпирически не есть, а снова и есть» [8, с. 360]. Снятие, инобытие, диалектика бытия и ничто — сплошь гегелевский язык, гегелевский стиль мышления. Незакавыченный Гегель буквально бросается в глаза на многих страницах философской прозы Карсавина. Не является ли в этом случае философия Карсавина очередным проявлением «европейской псевдоморфозы русского религиозного сознания» (Флоровский [9])? На этот вопрос следует дать скорее отрицательный, чем положительный ответ. Категориально-понятийный аппарат гегелевской диалектики действительно выступает в качестве одного из наиболее значимых компонентов карсавинского стиля. Но следует учитывать, что, во-первых, язык Карсавина наряду со значительными вкраплениями гегелевской терминологии включает в себя категории богословия восточной православной церкви. И последние перевешивают по значимости гегелевский лексикон. Во-вторых, сама гегелевская философия, как и немецкий идеализм в целом, обнаруживают смутное и бессознательное тяготение к тем истинам, которые были высказаны учителями восточной церкви. На этот момент указывал еще И. Киреевский, позднее — В. Соловьев в своей работе о кризисе западной философии: «И тут оказывается, что эти последние необходимые результаты *западного* философского развития утверждают, в форме *рационального познания*, те самые истины, которые в форме *веры* и *духовного созерцания* утверждались великими теологическими учениями Востока» [10, с. 177]. Язык немецкого идеализма привлекателен для русской мысли, — еще совсем недавно вышедшей из художественной литературы и публицистики и привыкшей к образному мышлению, — своей рациональностью и своей аналитичностью. Но отнюдь не немецким идеализмом определяется содержание философских поисков отечественной мысли, как на этом настаивают некоторые представители истории русской философии [11]. Русская философская мысль направлена на возрождение «патристической и православной, теологической парадигмы» [2]. Именно эта парадигма содержит те возможности философского мышления, которые не были реализованы Западом.

В этой связи не менее важными в учении Карсавина являются пункты размежевания с наследием гегелевской философии. Понимание истории как диалектического процесса — значимый момент «Философии истории» Карсавина. Но здесь же указывается на ограниченность гегелевской диалектики: «Гегель отождествил диалектический процесс с рационально-диалектическим» [8, с. 146]. И отмечая наличие некоторых общих черт между русской и германской душой, Карсавин в целом констатирует чужеродность немецкого идеализма русскому сознанию: «И шеллигианство и гегелианство чужды русскому религиозно-философскому сознанию своими притязаниями на адекватное постижение Божества, отрицаемое в кантианстве, но отрицаемое опять-таки

неприемлемым для нас образом. Если же мы всмотримся в религиозную трагедию романтизма, она обнаружит нерусскую свою качественность одинаково и в “приятии мира” Новалисом и в аскетизме Клеменса Брентано» [12, с. 584].

2. От Гегеля к Ницше: постметафизические тенденции в философии Карсавина

Метафизические искания Карсавина обнаруживают точки пересечения не только с Гегелем, но и с Ницше. В этом аспекте проявляется постметафизическая направленность карсавинской философии. Для русского философа неприемлем теизм, противопоставляющий временному и конечному вневременную бесконечность. Установка на элиминацию временности из абсолютного бытия, согласно Карсавину, противоречит «основному замыслу христианства», равно удаленному как от теизма, так и от пантеизма. И в этом пункте Карсавин — осознанно или неосознанно — движется в русле базовых постметафизических установок философии Ницше. Основной пафос критики западного христианства и метафизики у Ницше сосредоточен как раз в разоблачении устремленности к потустороннему в качестве бегства от мира, т. е. нигилизма. Высшее состояние, по Ницше, предполагает не исключение, а утверждение мира во всей полноте его бытия, включая становление и временность. Подобным образом трактует идеальное состояние и Карсавин: «Оно не потусторонне, а всесторонне; движение к нему не уход от сущего и метафизический скачок в иной мир, не *salto mortale* из царства необходимости в царство свободы, но преобразование и спасение всего сущего, даже того, что *видимо*, эмпирически погибло. Задача культуры в победе над забвением и временем, над прошлым и будущим, над смертью. Но для победы необходимо осуществление всего конкретного, эмпирического, будущего, необходима полнота земной действительности. Таков смысл христианской догмы воскресения, воскресения всецелого: не душевного только, а и телесного» [7, с. 501].

Ницше высказывает аналогичные устремления: «Я брожу среди людей, как среди обломков будущего, — того будущего, что вижу я. И в том мое творчество и стремление, чтобы творить и соединять воедино все, что является обломком, и загадкой, и ужасной случайностью. Спасти минувших и преобразовать всякое «было» в «так хотел я» — лишь это назвал бы я избавлением!» (*Die Vergangnen zu erlösen und alles «Es war» umzuschaffen in ein «So wollte ich es!» — das hieße mir erst Erlösung!*) [13, с. 145–146]. И Ницше и Карсавин говорят не об отрицании, но о *преображении* (*umzuschaffen*) мира как о пути спасения и избавления (*Erlösung*). И говорят они об одном и том же. Карсавин разрабатывает учение о всевременности, Ницше — о вечном возвращении. Оба учения направлены на достижение полноты времени, на возвышение до уровня вечности *всех* моментов становления. Карсавин находит эту установку в христианстве: «Для христианства всякий момент обладает непреходящей и необходимой в непроходимости своей ценностью; а потому лучшее, совершенное бытие не может ограничиваться только будущим, но должно содержать в себе все, быть всевременным. Прогресса, как ограниченного во времени периода, для христианства нет. Оно не предается гаданиям о том, будет ли жизнь лучше или хуже, чем сейчас, но стремится сделать лучшим все и прежде всего настоящее» [7, с. 502].

У Ницше возвышение каждого мгновения бытия до вечности — не абстрактная метафизическая идея, но задача, путь творческого преобразования мира. Вечное возвращение — способ существования, предполагающий доведение до высшей степени интенсивности, до предела *каждого* своего момента: «Всякая радость хочет вечности всех вещей, хочет меду, хочет дрожжей, хочет опьяненной полуночи, хочет могил, хочет слез утешения на могилах, хочет золотой вечерней зари» [13, с. 326]. В противоположность теизму с его устремленностью к потустороннему будущему, Ницше постулирует актуализацию настоящего: «...хотели ли вы когда-либо пережить мгновение дважды, говорили вы когда-нибудь: "Ты нравишься мне, счастье! миг! мгновенье!" Так хотели вы, чтобы *все* вернулось!» [13, с. 326]. Но подобная установка на актуализацию настоящего и доведение каждого момента до высшей степени интенсивности характеризуется Карсавиным как сущностная черта христианства: «Следовательно, долг всякого христианина в том, чтобы довести до предельного развития, до вселенского значения и бытия каждый из моментов жизни и прежде всего тот момент, каковым он сам, христианин, в данное мгновение является, ибо только из этого момента он может исходить в творческом своем труде. Христианин должен жить настоящим, исходить из настоящего, из него по вертикали устремляясь во всеединство и памятуя, что "довлеет дневи злоба его". Но, поднимаясь во всеединство, он подымается во всевременность; актуализуя данный момент, он усматривает всевременность его: "вспоминает" прошлое, предчувствует будущее. Данный момент раскрывается перед ним как развитие прошедшего и рождение будущего» [12, с. 613].

В этом центральном пункте своего учения Карсавин вписывается в контекст постметафизических концепций времени, активно разрабатываемых на Западе в период постницшеанской философии. Кризис европейской метафизики стал источником темпорального поворота в западной философской мысли. Но русский мыслитель усматривает исток своей философии всевременности не в концепциях Бергсона и Хайдеггера, а в наследии восточной церкви.

3. Постметафизическая персонология: от трансценденции к трансгрессии

Карсавин разрабатывает философскую теорию личности, выходящую за пределы концептуального горизонта классической европейской мысли. В западной метафизике утвердилось понимание человека в качестве субъекта — трансцендентной субстанции или трансцендентального источника познавательной активности. Альтернативное течение представляет собой материалистический атомизм, утверждающий изолированного индивида в качестве самоценной личности. Крайним вариантом преодоления этой парадигмы в постметафизической философии в Европе выступает постструктуралистская концепция смерти субъекта. Деструкция и деконструкция картезианского и кантовского субъекта предполагает раскрытие гетерогенной и несводимой к какому-либо единству множественности в качестве действительного способа человеческого существования.

Карсавин в своем учении о симфонической, всеединой, соборной личности, на первый взгляд, разрабатывает сугубо метафизический вариант философской антропологии. Однако, как было отмечено выше, метафизика Карсавина

содержит значимую постметафизическую компоненту, что позволяет относить учение мыслителя к философии неклассического типа.

В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что у Карсавина восхождение отдельной личности к всеединству не связывается с трансценденцией — основным горизонтом классической метафизики. В свою очередь, и высшая всеединная личность не мыслится философом в качестве трансцендентной субстанции. Зато Карсавин очень много говорит о самоотдаче, самопреодолении индивидуальности как отдельного момента. Чтобы перейти к всеединству, отдельный момент (индивид) должен перестать быть собой, должен выйти за пределы своей ограниченности. Причем, нередко это преодоление индивидуальной личностью своей ограниченности трактуется Карсавиным как гибель и саморазрушение. Разрушению и уничтожению должно быть подвергнуто «второе я», наша низшая личность, чтобы таким образом раскрыть путь к обнаружению в нас самих личности высшей, «первого я». Эта установка достаточно удалена от классической метафизической трактовки личности и скорее заставляет вспомнить ницшевскую формулу «человек есть переход и гибель» («ein Übergang und ein Untergang»). У Карсавина мы читаем: «я второе», которое и должно быть уничтожено для того, чтобы воскресло упрямое им глубоко в землю души «я первое» [14, с. 661]. У Ницше гибель человека, «идущего по мосту», есть путь раскрытия сверхчеловека. И у Карсавина смерть субъекта, «второго я» не предполагает растворение личности в неразличимом тождестве, но есть путь к раскрытию «первого я».

В определенном смысле Карсавин даже склоняется к оправданию смертных грехов, поскольку, доведенные до предела, они способствуют разрушению «второго я», (которое и должно погибнуть, дабы уступить место первому): «Объединяя частично, все указанные нами грехи, внутренне единые, противостоят друг другу и разлагают свое единство, которое и должно быть разложено, чтобы обнаружилось единство "я первого". Они разрушают скорлупу, облекающую ядрышко истинного единства» [14, с. 658]. Здесь снова уместна параллель с Ницше. Если Карсавин показывает, что доведенный до предела грех может выступать в качестве пути к раскрытию высшей личности, то Ницше, в свою очередь, усматривает такой путь в доведенной до крайних пределов добродетели: «Я люблю того, кто любит свою добродетель: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела тоски по другому берегу. Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту» [13, с. 16].

Разрушение и смерть низшей личности как способ достижения высшего единства — это не путь трансценденции, это путь трансгрессии. Этот постметафизический мотив в европейской философии мы находим как у Гегеля, так и у Ницше. Гегель: «Наивысшая зрелость и наивысшая ступень, которых что-либо может достигнуть, это та, на которой начинается его гибель» [15, с. 560]. («Die höchste Reife und Stufe, die irgend etwas erreichen kann, ist diejenige, in welcher sein Untergang beginnt»). Ницше: «Что стало совершенным, все зрелое — хочет умереть!» — так говоришь ты! Благословен, да будет благословен нож виноградаря! Но все незрелое хочет жить — увы! [13, с. 325]. («Was vollkkommen ward, alles Reife — will sterben!», so redest du. Gesegnet, gesegnet sei das Winzermesser! Aber alles Unreife will leben: wehe!) [16, s. 610].

И у Гегеля и у Ницше обращение к трансгрессии является проявлением кризиса европейской метафизики, кризиса парадигмы трансценденции [6]. У Карсавина, напротив, речь идет о возвращении к наследию христианского богословия и о раскрытии его философского потенциала.

В сочинениях учителей христианской церкви Карсавин находит учение о плавлении души: «Охваченная огнем Божественной Любви, она начинает плавиться и таять и становится, наконец, жидкою, как бы расплавленным железом, которое очищено огнем от всякой ржавчины греха. Жидкость же, как тебе известно, своею формою не обладает, но всегда содержится формою иного тела. Поэтому, став жидкою, душа теряет свою определенность и ограниченность и течет в поисках новой формы. А так как плавилась душа в Боге, она, не утрачивая своей сущностной отличности, сплавляется воедино с Богом и переливается в форму Божественности. И слившись с Богом, вместе с Ним истекая и не источаясь, душа живет и волит, как Бог, или — Бог в ней живет и волит» [14, с. 637]. Утрата определенности и ограниченности, переход в текучее состояние — все это характерные черты трансгрессии. Плавление — трансгрессивный феномен по существу. Благодаря трансгрессии (плавлению) душа утрачивает свою прежнюю форму (то самое «я второе») и становится восприимчивой к другим формам. Идея горения как пути творческого преобразования личности находит свой отклик и у Ницше: «Твоим желанием должно быть сжечь себя в своем собственном пламени; как же хотел бы ты обновиться, не сделавшись сперва пеплом!» [13, с. 67]. («Verbrennen musst du dich wollen in deiner eignen Flamme: wie wolltest du neu werden, wenn du nicht erst Asche geworden bist!»). Однако у немецкого философа речь идет о своем собственном пламени (in deiner eignen Flamme), в то время как у Карсавина говорится о пламени огня Божественной Любви. Ницше пытается (по крайней мере на словах) осуществить творческое самопреобразование без Бога. Но для этого человек сам должен сделаться для себя богом... Такой путь ведет либо к обожествлению эмпирической личности («я второе») или эмпирического человечества. В этом направлении движутся некоторые представители гегельянства, в частности Фейербах [17]. Но не Ницше. Либо, как второй вариант, такой путь должен в конце концов привести к раскрытию в себе живого, действительного Бога, которому эмпирическое я уступит место. Мы склонны полагать, что Ницше в большей степени склонялся ко второму варианту, хотя и не смог осуществить его в полной мере. Европейская философия и европейская культура, на основе которой формировалось философское воззрение Ницше, не дает необходимой почвы для полноценной реализации данного направления.

Тем не менее философская интуиция и установка на преодоление горизонтов европейской метафизики ведут мысль Ницше в направлении, позднее указанном Карсавиным: «Истинную задачу личности можно определить как *саморазвитие в раскрытии высшего и ради раскрытия высшего*» [18, с. 730]. И для Ницше и для Карсавина характерна направленность на преодоление биологической, животной природы человека: «Во многом человек еще животное и существует по законам животной необходимости. <...> Но человеку, как человеку, вменяется в грех, если он остается только животным и не возносит своей животности на высоту человечества, если он совершает животные поступки; ибо человек может и должен все свое животное

совершенствовать в человеческое» [18, с. 734]. Ницше: «Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяны, чем иная из обезьян» [13, с. 13].

Путь раскрытия высшего предполагает отказ от себя как от «я второго» или, в христианской терминологии, — смирение: «личность должна отказаться от себя, т. е. познать свое ничтожество, как твари Божьей» [18, с. 730]. Вопреки расхожим представлениям о «ницшеанстве» как об утверждении крайнего индивидуализма и эгоизма, и у Ницше преобладает тенденция к раскрытию божественного в человеке. Но при этом исходным моментом для философа является событие смерти бога. Все учение Ницше представляет собой попытку разрешить это неразрешимое противоречие: как раскрыть божественное в человеке, если бог мертв? Однако следует поставить другой вопрос: какой же бог умер? Абстрактный бог, сведенный к логическим категориям, бог потусторонний, оторванный от жизни и выполняющий функцию отрицания жизни [19]. Таким застаёт Ницше христианство в Европе второй половины XIX века. Философ был неправ только в одном: в том, что он отождествил это христианство с христианством вообще.

4. Русский путь: (пост)метафизика христианства

Обозначенная в конце предыдущего раздела проблема уже выходит за пределы горизонтов ницшевской мысли. Это проблема русской религиозной философии. Для Карсавина исторически существует множество индивидуализаций христианской культуры, каждая из которых раскрывает идею христианства в каком-то особом, только ей присущем аспекте. Одни индивидуализации уже себя исчерпали, другие еще не осуществили своей задачи, третьи — еще не возникли: «нет оснований предполагать, что индивидуализации христианской культуры исчерпаны. Напротив, весьма вероятны новые индивидуализации, носителями которых будут новые же, еще не существующие государственные и этнографические единицы. Может быть, уже высказали себя, свою индивидуальность и европейский Запад и Россия (в последнем я сомневаюсь); и тем не менее, христианская культура столько же в прошлом и настоящем, сколько в грядущем, которое идет не в отмену, а в восполнение настоящего и прошлого» [7, с. 500]. Здесь Карсавин входит в круг проблем, поднятых еще представителями славянофильства и их последователями (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев). В решении этой проблемы Карсавину не присущ ни оптимизм Данилевского, ни пессимизм Леонтьева. Он более сдержан и осторожен в своих суждениях. Тем не менее ограниченность и исчерпанность западного христианства, по-видимому, не вызывают у русского мыслителя никакого сомнения: «На Западе до XIII–XIV в. христианская идея не выразила себя с достаточной полнотой, после — выражала и выражает ущербно» [7, с. 517].

Преимущества восточного христианства Карсавин усматривает в «полноте и чистоте хранимого им предания» [7, с. 528]. Но наряду с преимуществом в сфере догматики мыслитель видит и недостаточность православия, которая состоит в том, что «оно только хранит, не раскрывая и не развивая потенций хранимого» [7, с. 528]. Православие *потенциально*. Именно в этой потенциальности следует искать корень того, что русское богословие, не говоря уже

о русской философии, разработано в столь малой и незначительной степени по сравнению с Западом.

Задача раскрытия этой потенциальности не сводится исключительно к поиску русской православной культурой своего собственного, отличного от Запада пути. Карсавин не рассматривает европеизацию русской культуры исключительно в качестве «исторической псевдоморфозы», как это делал Шпенглер. Европеизация необходима — для того, чтобы русская культура не замкнулась в своей односторонности, но реализовала свою универсальную миссию. Миссия эта состоит в принятии и восполнении европейской индивидуализации христианства. Для этого от русской культуры требуется одновременно перестать быть собой, чтобы принять в себя чужое (западное) и раскрыть и утвердить свое собственное. При этом Карсавин отдает себе отчет в том, что эта вселенская миссия православия может остаться нереализованной. Православие может и уклониться от этой задачи, причем в двух направлениях: либо оно изолируется от Запада и раскроет идею христианства в «своем», но не менее ограниченном аспекте. В этом случае православие повторит, хотя и по-своему, исторический путь европейского христианства и закончит неполнотой и односторонностью. Либо — православие так и останется в состоянии потенциальности, не раскрыв полностью своего и не восполнив чужого.

Карсавин не берет на себя роль пророка, предсказывающего будущее русской культуры. Как философ он занимается осмыслением имеющихся в культуре тенденций, не делая прогнозов. В рассмотрении проблемы отношения России и Европы Карсавин избегает крайностей присущих Данилевскому, с одной стороны, и Леонтьеву, с другой.

Список литературы

1. Малкина С.М. Постметафизические конфигурации онтологии. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2015. – 268 с.
2. Хоружий С. Философия Л.П. Карсавина в судьбах европейской мысли о личности // Историко-философский альманах. – 2010. – Вып. 3. – С. 169–186.
3. Фаритов В.Т. От Гегеля к Канту: философские поиски И. Ильина в свете кризиса европейской метафизики // *Mixtura verborum* 2019–2020: пограничное время: сборник научных статей / ред. С.А. Лишаев. – Самара: Самрама, 2021. – С. 27–45.
4. Фаритов В.Т. Лики русского гегельянства: С.Л. Франк между Гегелем и Ницше // Вестник САФУ. Философия. 2021. Т. 21, № 2. – С. 119–129.
5. Фаритов В.Т. Богословский поворот в русской философии: к проблеме псевдоморфозы русского религиозного сознания // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2021. № 2 (7). – С. 59–74
6. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений) (монография). – СПб.: Алетейя, 2017. – 442 с.
7. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея // Философия истории. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – С. 471–543.
8. Карсавин Л.П. Философия истории. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – 768 с.
9. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2006. – 608 с.
10. Соловьев В.С. Философское начало цельного знания. – Минск: Харвест, 1999. – 912 с.

11. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. – М.: НЛЮ, 2019. – 704 с.
12. Карсавин Л.П. О сущности православия // *Философия истории*. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – С. 569–621.
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. – М.: Культурная революция, 2007. – 432 с.
14. Карсавин Л.П. Saligia, или Весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах // *Философия истории*. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – С. 623–672.
15. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 2005. – 800 с.
16. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra // *Gesammelte Werke*. – Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012.
17. Левит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении девятнадцатого века. Маркс и Кьеркегор. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 672 с.
18. Карсавин Л.П. Церковь, личность и государство // *Философия истории*. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – С. 720–765.
19. Альтицер Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. – М.: Канон+, 2010. – 224 с.

References

1. Malkina S.M. Post-metaphysical configurations of ontology. Saratov: Saratov University Press, 2015. 268 p.
2. Khoruzhy S. Philosophy of L.P. Karsavin in the fate of European thought about personality. *Historical and Philosophical Almanac*. 2010. Issue 3. P. 169–186.
3. Faritov V.T. From Hegel to Kant: philosophical searches of I. Ilyin in the light of the crisis of European metaphysics. *Mixtura verborum 2019–2020: borderline time: collection of scientific articles*. Ed. S.A. Lishaev. Samara: Samrama, 2021. P. 27–45.
4. Faritov V.T. Faces of Russian Hegelianism: S.L. Frank between Hegel and Nietzsche. *Vestnik NARFU. Philosophy*. 2021. Vol. 21, No. 2. P. 119–129.
5. Faritov V.T. Theological turn in Russian philosophy: to the problem of pseudomorphosis of Russian religious consciousness. *Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Philosophy*. 2021. No. 2 (7). P. 59–74.
6. Faritov V.T. Ontology of transgression: G.V.F. Hegel and F. Nietzsche at the origins of a new philosophical paradigm (from the history of metaphysical teachings) (monograph). St. Petersburg: Aleteyya, 2017. 442 p.
7. Karsavin L.P. East, West and the Russian Idea. *Philosophy of History*. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2011. P. 471–543.
8. Karsavin L.P. Philosophy of history. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2011. 768 p.
9. Florovsky G. Ways of Russian theology. Minsk: Belarusian Orthodox Church, 2006. 608 p.
10. Soloviev V.S. Philosophical beginning of integral knowledge. Minsk: Harvest, 1999. 912 p.
11. Valitsky A. In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian Slavophilism. Moscow: NLO, 2019. 704 p.
12. Karsavin L.P. On the Essence of Orthodoxy. *Philosophy of History*. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2011. P. 569–621.
13. Nietzsche F. Complete works: In 13 volumes. Vol. 4: Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and for no one. Moscow: Cultural Revolution, 2007. 432 p.
14. Karsavin L.P. Saligia, or A Very Brief and Soulful Reflection on God, the World, Man, Evil and the Seven Deadly Sins. *Philosophy of History*. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2011. P. 623–672.
15. Hegel G.W.F. Science of logic. St. Petersburg: Nauka, 2005. 800 p.
16. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. *Gesammelte Werke*. Koln: Anaconda Verlag GmbH, 2012.

17. Levit K. From Hegel to Nietzsche. A revolutionary turning point in the thinking of the nineteenth century. Marx and Kierkigaard. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2002. 672 p.
18. Karsavin L.P. Church, personality and state. *Philosophy of history*. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2011. P. 720–765.
19. Altitzer T. Death of God. The gospel of Christian atheism. Moscow: Kanon+, 2010. 224 p.

Информация об авторе

Вячеслав Тависович Фаритов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия. **E-mail:** vfar@mail.ru

Information about the author

Vyacheslav T. Faritov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanities Science of the Samara State Technical University, Samara, Russian Federation. **E-mail:** vfar@mail.ru

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЗНАНИЕ ОБОСНОВАННЫМ ИСТИННЫМ УБЕЖДЕНИЕМ?

© Э.А. Тайсина

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Поступила в редакцию 10.10.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Тайсина Э.А. Является ли знание обоснованным истинным убеждением? // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 23–28. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.3>

Аннотация. Как установлено в текстах Стэнфордской философской энциклопедии, традиционный эпистемологический «трехсторонний» анализ знания («JTB» анализ) состоит из трех компонентов. Согласно ему, знание — это обоснованная, или доказанная, истинная вера/убеждение; эти три качества создают необходимые и достаточные условия для того, чтобы некое ментальное состояние называлось знанием.

Так, S знает, что p , если и только если: p истинно; S верит, что p ; S на основании доказательства справедливо полагает, что p .

Не подвергая это сомнению, подчеркнем: в энциклопедических статьях идет обсуждение «пропозиционального знания». Эпистемологический анализ, хотя и скрупулезный, не охватывает всех видов знания; более того, фактически не затрагивает родовое понятие знания. А именно оно поднимается над всеми тремя экспликандами «JTB», то есть знание как таковое не определяется посредством признаков «JTB», не будучи ни истинным, ни обоснованным в качестве истинного, ни даже синтезированным с доверием.

Ключевые слова: знание; истина; убеждение; вера; обоснование.

IS KNOWLEDGE A JUSTIFIED TRUE BELIEF?

© E.A. Taysina

Kazan State University of Power Engineering, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Original article submitted 10.10.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Taysina E.A. Is Knowledge a Justified True Belief? *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):23–28. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.3>

Abstract. As it is settled in the texts of The Stanford Encyclopedia of Philosophy, there are three components to the traditional epistemological “tripartite” analysis of knowledge (the “JTB” analysis). According to this, it is justified, true belief that makes the necessary and sufficient conditions for mental state to be called knowledge.

Thus S knows that p iff: p is true; S believes that p ; S is justified in believing that p .

Without questioning this, we emphasize: the encyclopedic articles treat upon “propositional knowledge”, and only about it. Epistemological analysis, although scrupulous, does not cover all types of knowledge; moreover, in fact it does not examine the generic concept of knowledge which rises above all three “JTB” explicands; that is, in general, knowledge as such is not determined by means of “JTB” features, being neither true, nor justified as true, not even synthesized with belief.

Keywords: knowledge; truth; belief; justification.

Известный в эпистемологии, по крайней мере со времени начала обсуждения кейсов Геттиера [1] о реальности видимых вдоль дороги амбаров или овец (Barn Façade-type cases) вопрос стоит так: возможно, это не настоящие здания и животные, а только варианты российских «потемкинских деревень»?), — традиционный «трехсторонний» (“tripartite”) анализ знания имеет столько же сторонников, сколько и противников. Автор данной статьи принадлежит к последним.

Обсуждаемый анализ имеет аббревиатуру JTB (justified true belief), от английских слов «обоснование», «истина», «убеждение/вера», которые полагаются дефинитивными признаками или, по крайней мере, экспликациями знания. Целью данной статьи является демонстрация того, что знание может быть и бывает необоснованным, неистинным и не связанным с доверием. Эти спецификации принадлежат лишь одному, хотя и важнейшему, виду знания, а именно, научному, или даже точнее, «пропозициональному». Например, если Сьюзен знает, что Алиса музыкант, следовательно, она знает пропозицию «Алиса есть музыкант», *S knows that p*. При этом, с точки зрения авторов статьи “The Analysis of Knowledge” («Анализ знания») в Стэнфордской философской энциклопедии, пропозициональное знание в формате эпистемологии следует отличать от «знакомства» (“acquaintance”), которое не является собственно знанием: например, Сьюзен «просто» знает Алису (очевидно, *S knows P*). Кстати говоря, в учебниках логики есть формула для последнего случая: xRy . И, заметим в скобках, лингвистически ‘acquaintance’ уже потому неподходящий термин для «знания», что ‘quaint’ означает «странный, загадочный»: вспомним Эдгара По с его «Вороном»: “...while I pondered... over many a *quaint* and curious volume of forgotten lore...” («Пока я склонялся над фолиантами странного и удивительного, забытого учения»). А термин ‘knowledge’ предполагает устойчиво положенное, следовательно, хорошо известное.

Авторы статьи «Анализ знания» Ichikawa и Steup указывают, что “JTB” анализ был впервые проговорен и осмыслен его противниками (“the JTB analysis was first articulated in the twentieth century by its attackers”) [3:1].

Аргументы, которые использовались за или против подобного определения знания, сами до сих пор нуждаются в оправданиях. Достаточно упомянуть, что известный американский эпистемолог Линда Загзебски предложила расширение формулы за счет «ответственного добавления» четвертого признака, или условия, для дефиниции знания: JTB + X. Другие авторы обсуждают варианты экспликации процедуры обоснования [5]. А к аргументам «против», кроме кейсов Геттиера, можно прибавить следующие.

1. Знание далеко не всегда является истинным. Следует согласиться с Ichikawa и Steup: истинность не требует, чтобы кто-либо мог ее знать или доказывать. Не все истины являются *установленными* истинами. Истина — понятие *метафизическое*, а не *эпистемологическое*; это вопрос о том, *каковы вещи в своем существовании*, а не о том, как они могут быть *показаны*. (“Something’s truth does not require that anyone can know or prove that it is true. Not all truths are *established* truths. Truth is a *metaphysical*, as opposed to *epistemological*, notion: truth is a matter of how things *are*, not how they can be *shown* to be”) [3:1.1]. Сомнительно, однако, что выходом явится указание на *путь к фактам*: “Knowledge is a kind of relationship with the truth — to

know something is to have a certain kind of access to a fact” [ibid.]. Это методологический, а не гносеологический подход.

Более того, дефиниция «знание есть то, что истинно» совершает логические ошибки определения неизвестного через неизвестное («семиотика это часть парагваники»), родового через видовое («зверь — это тигр»), да и просто противоречит очевидному: ложное знание (ложное учение, фальсифицированная история, добросовестные заблуждения, ошибки метода, хитрость врача или дипломата и т. д.) *существует*. А вот истина по-прежнему сама нуждается в философском анализе, несмотря на возрастающее количество теорий относительно ее сущности [2]. Несомненно одно: знание первично по отношению к истинности.

2. Знание далеко не всегда является обоснованным. Существует множество работ, изучающих проблему обоснования, и множество претендентов на роль наилучшего средства доказательства: принципы верификации/верифицируемости, фальсификации/фальсифицируемости; “*ex ante*” и “*ex post*” обоснования (“propositional justification” and “doxastic justification”); эвиденциализм, когерентизм, интернализм, экстернализм, релайабилizm, респонсибилizm... Однако факт, что большинство наших знаний воспринято, усвоено, воспроизводится без формальных доказательств по схеме тезис — система доводов — демонстрация; в лучшем случае, со ссылкой на авторитет. Что касается науки, не останавливаясь специально на теоремах Геделя о неполноте (основания теории средствами самой теории не эксплицируются), укажем для примера, что гипотеза, являясь одной из основных форм научного познания, не имеет обоснования, а если получает его, то превращается в другую основную форму научного познания, теорию.

3. Знание далеко не всегда нуждается в поддержке убеждения/веры и тем более не является ими. «Знаю, но не верю» встречается сплошь и рядом, в науке и в жизни, далекой от науки: вспомним хит Рэя Чарльза, где он несколько раз восклицает: What you say, you can’t mean that (I don’t believe you!) И это в ответ на прямолинейно-непреклонное Hit the road, and don’t you come back no more! Или, например, Оленья Луна (она же Волчья, она же Луна Голодных Духов, в зависимости от народа, присваивающего названия), 24 июля 2021 г. находилась в доме Водолея, предсказывая удачу (видимо, преимущественно водолеям, но и не только) в делах строительства, перемены мест, в целом в любых новых начинаниях. В эту же ночь с Луной встречается Сатурн, что предвещает также немало интересного. Я знаю об этом из упоминаний о коренных американцах, о жителях Южного полушария, о китайской культуре; однако я не верю в астрологические прогнозы относительно июльского полнолуния — одного из «четырех главных» в году.

Сознание содержит не только знания, но и мнения, оценки, веру, убеждение, волю, интуицию и так далее, что тривиально. Очевидно, наилучшая научно-философская классификация стадий перехода от веры к знанию была приведена у Канта в “Der transzendentalen Methodenlehre zweites Hauptstück. Der Kanon der reinen Vernunft”.

Действуя по методу привлечения любимых в эпистемологии «кейсов», приведем следующие три:

3.1. Я знаю, слышу, читаю, но не верю, что коронавирус изобретен в ... (таком-то месте).

3.2. Я знаю (читала, слышала) много сториз о чудесах, совершенных древними или современными святыми, шаманами или магами; например, есть свидетельство ученицы Карлоса Кастанеды, что он прибегнул к самовозгоранию, дабы совпасть с эфирным миром. Знаю, но не верю.

3.3. Я вижу памятник на могиле сына, я знаю, но не верю, что его — то есть моего сына — больше нет. Не могу поверить. Не могу смириться. Никогда не поверю.

Последний «кейс», как ни жестоко и даже цинично, совпадает с одним из контр-примеров относительно JTB: человек смотрит на свой сгоревший дом и восклицает: «Я не могу в это поверить!» Однако если бы он действительно знал, но не верил, он не стал бы звонить в страховую компанию... От третьего признака знания требуется прямота (straightforwardness) и полнота (fullness). Чтобы *S* полностью поверил в то, что *p*, недостаточно иметь «довольно высокую степень доверия» к *p*; должно быть что-то близкое к приверженности или полной уверенности. Вот как об этом сказано в статье «Анализ знания»: “Suppose Walter comes home after work to find out that his house has burned down. He says: ‘I don’t believe it’ ... The standard response is that Walter’s avowal of disbelief is not literally true; what Walter wishes to convey ... is not that he really does not believe ..., but rather that he finds it hard to come to terms with what he sees. If he genuinely didn’t believe it, some of his subsequent actions, such as phoning his insurance company, would be rather mysterious”. [3:1.2]. Авторский перевод: «Предположим, Уолтер приходит домой после работы и обнаруживает, что его дом сгорел. Он говорит: “Я в это не верю” ... Стандартный ответ состоит в том, что Уолтер хочет передать... не то, что он действительно не верит..., а то, что ему трудно смириться с тем, что он видит. Если бы он искренне не верил в это, некоторые его последующие действия, такие как звонок в страховую компанию, были бы довольно мистическими».

Не только знание, но и убеждение/вера могут быть истинными, хотя и формально неправильно выраженными (“a belief might be true even though it is formed improperly”). [3:1.3]. Вместе с тем не только знание, но и убеждение/вера могут не быть истинными, хотя и формально быть правильно выраженными.

Когнитивные затруднения эпистемологии снимаются только в более широком контексте *гносеологии*. Термин этот, неизвестный в англо-саксонской научной литературе, имеет серьезную традицию, восходя к античной мысли, и, будучи глубоко проработанным в немецкой и русской философии, давно и прочно принят для обозначения общей теории познания.

Эпистемология — это теория *научного* познания; с гносеологией они различаются как вид и род. Такое использование терминов соответствует греческой и немецкой традиции. Эта ветвь изолировалась от общей гносеологии, пролагая свой собственный тальвег (линию самых глубоких точек, или «русло») и консолидировалась как наиболее рациональная, логичная, обозримая, жесткая и доказуемая дисциплина, сродни формальной логике, достигнув своего апогея в аналитической философии. Эта эпистемология, развивавшаяся в tandem с самой наукой на протяжении четырехсот лет, а затем с философией науки и философией языка, наконец, продемонстрировала, что ее «пропозиционального знания» недостаточно: теория познания всегда будет нуждаться

в этических, биографических, исторических, политических, художественно-образных, религиозных темах, литературе, поэзии и даже здравом смысле обычного сознания, которых неопозитивистская теория науки была лишена. Не случайно поэтому появление так называемой эпистемологии добродетелей, *virtue epistemology*, восполняющей до известного уровня нехватку гуманитарной, калокагатийной составляющей теории знания [5]. Кроме того, именно в формате общей теории познания возможен опыт адекватного определения знания.

Уже приходилось много лет назад обращаться к этой теме, предложив нижеследующую дефиницию с использованием семиотического подхода; здесь приводится с небольшими уточнениями относительно первоначального определения (1997 г.).

Знание в общем можно охарактеризовать как *обнаружение и принятие* («имение», присвоение) *бытия* (бытия в целом, а не отдельных «фактов»), а в особенности, как *участие* человека в конкретном существовании объекта так, что он (объект) оказывается замещенным, — а точнее, он презентирован, *представлен* (*vorgestellt*), обо-значен идеальным образом (в обоих смыслах слова «образ» — как отображение и как способ отображения — и в обоих смыслах слова «идеальное» — как нематериальное и как наилучшее, совершенное). [6, с. 48].

Справедливости ради надо подчеркнуть, что в статье «Эпистемология» (“Epistemology”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*) указывается: по крайней мере некоторые философы считают, что родовое понятие знания *существует*, и в отношении него могут быть объяснены любые разновидности знания (“at least some philosophers have taken there to be a genus, awareness, of which the various kinds of knowledge are all species, and with respect to which these various kinds may all be explained (see Silva 2019 for a defense of ‘awareness first’ epistemology)”) [4:2]. Что же это за понятие? Авторы упоминают многозначный термин ‘awareness’ — нечто вроде интуитивной осведомленности о присутствии «чего-то» в поле внимания. Этот же термин приведен в статье авторитетного словаря Вэбстера, где познание определяется двояко: как awareness и judgment, способность рассуждения. С последним можно согласиться — уточнив, что данное различие наметили еще схоласты (Уильям Оккам). Awareness соответствует начальной ступени познания, свидетельствуя о собственно существовании (объекта); на высших стадиях абстрактного мышления от этой реальности отвлекаются в пользу пропозиционального суждения. Схоласты выдвигали больше двух значений термина «знание», однако это уже тема другой статьи.

Список литературы

1. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23. P. 121–123.
2. Glanzberg M. Truth // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021, Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/truth/11.06.21>
3. Ichikawa, Jonathan Jenkins and Matthias Steup. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* // *The Analysis of Knowledge* (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/knowledge-analysis/23.07.21>
4. Steup, Matthias and Ram Neta. Epistemology // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/epistemology/25.07.21>

5. Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей. – Москва, 2019. – 428 с.
6. Тайсина Э.А. К определению знания // Феномены природы и экология человека: Тез. междунар. симпозиума. – Казань, 1997. – С. 47–48.

References

1. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*. 1963;23:121–123.
2. Glanzberg M. Truth. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/truth/06/11/21>.
3. Ichikawa, Jonathan Jenkins and Matthias Steup. The Analysis of Knowledge. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/knowledge-analysis/07/23/21>.
4. Steup, Matthias and Ram Neta. Epistemology. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/epistemology/07/25/21>.
5. Karimov A.R. Epistemology of the virtues. Moscow, 2019. 428 p.
6. Taysina E.A. To the definition of knowledge. *Phenomena priroda i ekologiya cheloveka. Tez. intl. symposium*. Kazan, 1997. P. 47–48.

Информация об авторе

Эмилия Анваровна Тайсина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», Казань, Республика Татарстан, Россия. **E-mail:** Emily_Tajsin@inbox.ru

Information about the author

Emilia A. Taysina, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kazan State University of Power Engineering, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia. **E-mail:** Emily_Tajsin@inbox.ru

СТРАТЕГИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОПЫТА В.Н. БОРИСОВА И В.П. ФОФАНОВА)

© *Е.А. Тюгашев*

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию 14.09.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Стратегия рефлексивной коммуникации в постнеклассической науке (из методологического опыта В.Н. Борисова и В.П. Фофанова) // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т.4. №1. С. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.4>

Аннотация. Парадигмальность науки снимается рефлексивной коммуникацией. Вертикальная рефлексивная коммуникация актуализирует и пересматривает классическое наследие. Горизонтальная рефлексивная коммуникация учитывает духовный опыт других направлений, дисциплин и мировоззрений.

Ключевые слова: рефлексия; коммуникация; рефлексивная коммуникация; постнеклассическая наука; мировоззрение; научная коммуникация; философская коммуникация.

REFLEXIVE COMMUNICATION STRATEGY IN POSTNONCLASSICAL SCIENCE (FROM THE METHODOLOGICAL EXPERIENCE OF V.N. BORISOV AND V.P. FOFANOV)

© *E.A. Tyugashev*

Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

Original article submitted 14.09.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Tyugashev E.A. Reflexive communication strategy in postnonclassical science (from the methodological experience of V.N. Borisov and V.P. Fofanov). *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):29–36. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.4>

Abstract. The paradigmality of science is removed by reflexive communication. Vertical reflexive communication actualizes and revises the classical heritage. Horizontal reflexive communication takes into account the spiritual experience of other areas, disciplines and worldviews.

Keywords: reflection; communication; reflexive communication; postnonclassical science; worldview; scientific communication; philosophical communication.

Постнеклассическая наука столкнулась с «пределами роста», выражающимися в снижении природной эффективности дополнительных затрат на ее развитие (по S-образной кривой). Это стало очевидным для государства, общественности и частных инвесторов, что привело к сокращению финансирования ряда направлений. Наука утратила самооценку и далеко не все ее темы являются «горячими». Стали значимы нравственные ограничения, имеющие мировоззренческую природу. Поскольку научное сообщество глубоко профессионализировано, а исследования ведутся в рамках сложившихся дисциплинарных традиций и существует зависимость от предшествующего развития («path dependence»), то произвольное переключение на альтернативные направления (как это было в энциклопедической науке) маловероятно. Цель статьи состоит в характеристике рефлексивной коммуникации как стратегии снятия пределов научного роста. Данная стратегия анализируется на опыте преодоления застойных явлений в науке в рамках исследовательской программы по разработке рефлексивной социальной философии [1].

Под *рефлексивной коммуникацией* я предлагаю понимать такую организацию духовной деятельности, которая основывается на отказе от «демиургической позиции» [2, с. 1337], от избыточных амбиций и состоит в «умении слушать и понимать друг друга» [3, с. 71]. В *горизонтальной рефлексивной коммуникации* субъекты диалога фиксируют предпосылки и ограничения собственных позиций, взаимопроникают, поляризуются и трансформируют друг друга. *Вертикальная рефлексивная коммуникация* включает: 1) деконструкцию и доработку уже существующих идей (сегодня это актуально в отношении идеи коммунизма); 2) прочтение заново классики и ее переосмысление (например, «Государства» Платона с точки зрения психоанализа); 3) выявление неосознанных (или замаскированных) предпосылок различных концепций с целью коррекции, трансформации и творческого развития (неопозитивизм, постпозитивизм). Продемонстрируем использование рефлексивной коммуникации на ряде примеров из работ В.Н. Борисова и В.П. Фофанова.

Одна из статей В.Н. Борисова новосибирского периода его деятельности начинается следующим наблюдением: «Прогресс научного познания находит свое философское выражение не только в формировании новых понятий и положений, но заставляет возвращаться к рассмотрению коренных, исходных принципов материалистического мировоззрения, давать им более глубокое и всестороннее обоснование, конкретизировать и развивать на базе нового фактического материала» [4, с. 32]. Обратим внимание на два зафиксированных процесса: 1) учет актуальных данных науки при развитии базовых положений философии — один из аспектов ситуации горизонтальной рефлексивной коммуникации между философией и наукой; 2) вертикальная рефлексия в рамках материализма в форме дополнительной проработки его первоначальных принципов.

В части обсуждения проблемы взаимосвязи отражения и деятельности в процессе познания В.Н. Борисова заинтересовала разработанная психологом А.Н. Леонтьевым концепция познания как интериоризации внешней предметной деятельности, а также разделы математики, оперирующие понятием отражения. Исходя из этого, он возражал А. Шаффу, полагавшему, что «отражение» — всего лишь метафора.

Из истории материализма внимание В.Н. Борисова привлекли высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, И. Дицгена, А.И. Герцена, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, описывающие феномен интериоризации. Так в рамках недавней материалистической традиции была выявлена точка поддержки современной психологической концепции.

С позиции марксистско-ленинской гносеологии В.Н. Борисов вступает в горизонтальную рефлексивную коммуникацию с неопозитивизмом, предложившим дифференцировать объекты и псевдообъекты для различения понятий истинных — имеющих референт (материальная точка, идеальный газ) — и понятий ложных, не имеющих референта (мировой эфир, теплород) [4, с. 37]. Признавая ценность данного различения, В.Н. Борисов указывает на сложившуюся традицию выделения абстрактных предметов, идеальных объектов, а также моделей.

Любопытен пример с ложными мифологическими понятиями «русалка» и «кентавр» [4, с. 37–38]. В.Н. Борисов напоминает, что в XIX веке физическое понятие мирового эфира считалось истинным. Различение истинных и ложных научных понятий наводит на мысль об относительной ложности или истинности мифологем. Так, космология и синергетика реабилитировали концепты космоса и хаоса. Рефлексивная коммуникация науки и мифологии оказалась продуктивной.

Еще один уровень горизонтальной рефлексивной коммуникации является внутринаучным и междисциплинарным: «Результаты, получаемые в одной науке и представляющие в ней содержательное знание соответствующей области действительности, могут использоваться в других науках, а также и в ней самой при решении других проблем, в качестве познавательных средств (так, математические методы применяются почти во всех остальных науках, физические методы в химии, биологии и т. д.)» [5, с. 3]. Такая коммуникация может быть взаимной. Например, в результате взаимопроникновения физики и химии возникли химическая физика и физическая химия, химии и биологии — химическая биология и биологическая химия.

В другой публикации В.Н. Борисов описание познания как движения от явления к сущности и обратно предлагает дополнить категорией видимости. Для этого он предлагает учесть рациональное содержание «Логики» Гегеля в материалистической интерпретации [6, с. 44]. Так намечается горизонтальная рефлексивная коммуникация между материализмом и идеализмом.

Итак, в работах В.Н. Борисова мы находим манифестацию установок на рефлексивную коммуникацию с альтернативными мировоззренческими позициями и опыт ее реализации. Подчеркивается важность горизонтальной рефлексивной коммуникации между наукой и философией, отдельными научными дисциплинами, разными философскими направлениями и течениями. Вертикальная рефлексивная коммуникация ориентирована на дополнительное обоснование, уточнение и развитие исходных принципов разделяемого философского направления, а также на актуализацию не в полной мере освоенного наследия классиков материализма. Указанные векторы коммуникации рассматриваются как совершенно необходимые при полном и систематическом рассмотрении любого вопроса. Установка на рефлексивную коммуникацию выражается в заинтересованном и бережном отношении к партнерам по

коммуникации как внешнему основанию собственного развития. Это внимательное отношение мотивируется усиливающейся коллективизацией научного труда.

В.П. Фофанов всегда подчеркивал важность коллективной работы исследователей-марксистов, ученых, ученых и практиков. При анализе проблемы экономического сознания он писал о необходимости взаимодействия различных наук, участвующих в синтезе и конфигурации дисциплинарных результатов для создания практически значимой комплексной картины объекта [7, с. 16]. Очевидно, что такая увязка научных знаний требует междисциплинарной коммуникации. Для исследования феномена экономического сознания в предмете исторического материализма как марксистско-ленинской теоретической социологии наиболее значимыми В.П. Фофанов считал экономические работы К.Маркса и советских ученых-экономистов.

Вертикальная рефлексивная коммуникация реализовывалась путем обращения к наследию классиков марксизма-ленинизма. «Вряд ли вызовет возражение мысль о том, что марксистская теория экономического сознания должна формироваться как непосредственное продолжение и развитие соответствующих идей классиков марксизма-ленинизма, — писал В.П. Фофанов. — А для этого, прежде всего, требуется выявить наследие классиков по данному вопросу, проанализировать и оценить его значение ... Необходимо отметить двоякую взаимосвязь этих исследований с дальнейшей разработкой теории экономической формы общественного сознания. С одной стороны, анализ наследия классиков в данной области является одним из средств построения теории экономической формы общественного сознания. С другой — разработка теории экономического сознания дает возможность более глубоко понять содержание и значение высказываний классиков, посвященных этой проблеме» [7, с. 24–25].

Напомню, что факт экономического сознания был парадигмальной аномалией для исторического материализма, утверждавшего материальность экономических отношений. Недостаточная эксплицированность позиции классиков марксизма-ленинизма по вопросу о соотношении общественного сознания и материально-производственных отношений обуславливала возможность модификации «защитного пояса» исторического материализма при сохранении его «жесткого ядра». Поэтому разработка теории экономического сознания и анализ наследия классиков рассматривались В.П. Фофановым как взаимодополняющие стороны исследовательского процесса.

Кроме того, для характеристики экономического сознания существенными признавались взгляды деятелей коммунистического движения (А. Грамши, П. Тольятти, М. Торез) и работы ряда практиков — Ф.Э. Дзержинского, С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе [7, с. 21].

В монографии «Социальная деятельность как система» (1981) В.П. Фофанов зафиксировал еще ряд направлений рефлексивной коммуникации, характерных для стадии неклассической науки.

К вертикальной рефлексивной коммуникации относится актуализация категорий, «степень разработки которых на предшествующих этапах развития советской философии явно не соответствовала их месту в составе науки, их эвристическому потенциалу» [8, с. 4]. В.П. Фофанов отмечает, что категория «социальная деятельность» не является новой для обществознания.

В действительности не нова только категория деятельности. Термин «социальная деятельность» использовали, например, С.Н. Булгаков и Г.П. Щедровицкий, но категориального статуса он не имел.

Как и В.Н. Борисов, В.П. Фофанов фиксирует ситуацию горизонтальной коммуникации между философией и наукой в лице психологии: «Наиболее широко, пожалуй, были распространены попытки выработать общую концепцию деятельности, осознанно или неосознанно опирающиеся на психологию. Это вполне понятно исторически, так как советская психология сегодня располагает едва ли не наиболее развитой в себе концепцией деятельности по сравнению с другими общественными дисциплинами, хотя и здесь, безусловно, имеются свои разногласия, нерешенные проблемы. Однако это именно психологическая концепция деятельности, и ее нельзя непосредственно перенести на философский уровень. Для соотнесения философской и психологической концепций деятельности нужны дополнительные методологические процедуры — как в случае движения от философии к психологии, так и в случае движения от психологии к философии» [8, с. 6–7].

По оценке В.П. Фофанова, коммуникация между философией (точнее, историческим материализмом) и психологией (точнее, культурно-исторической школой в психологии) существует, но она не является рефлексивной коммуникацией. На мой взгляд, необходимость рефлексии данной коммуникации обусловлена и тем, что культурно-историческая школа первоначально основывалась на неокантианской концепции деятельности. Таким образом, возник опосредованный психологической наукой контур коммуникации между марксизмом и неокантианством.

В перспективе концептуализации социальной деятельности как системы В.П. Фофанов описывал механизмы внутринаучной коммуникации на примере системного движения. Разнообразие течений в этом движении он объясняет их дисциплинарным происхождением, объективным многообразием классов систем, различными способами концептуализации. На его взгляд, понятие системы должно иметь точную и единственную трактовку только в рамках определенного подхода при ясном осознании пределов его применимости и эвристического потенциала [8, с. 25]. Это ситуация многосторонней рефлексивной коммуникации, возникающей вокруг обсуждения одного понятия. Желание сформулировать единственное определение понятия системы объяснимо единством системного движения. Но реальность такова, что в зависимости от используемых средств возникает спектр различных представлений системы.

Описываемая В.П. Фофановым ситуация распространена. Сетуют на сотни определений культуры, терроризма и других явлений. Но определений может быть бесконечно много в зависимости от используемых видов определений, ступени познания, избранной категориальной системы. Для профессионального исследователя важен именно этот контекст, а не собственно само определение. Неспециалист не собирается рефлексировать над основаниями введения понятия и его эпистемологическим статусом. Ему, наоборот, подходит любое определение, достаточно общепонятное и пригодное для конкретной познавательной ситуации. Поэтому некоторое общее понимание эксплицировать необходимо. Но оно не должно, по меньшей мере, противоречить интуитивным представлениям, сложившимся в горизонте естественного языка.

Следовательно, нужна рефлексивная коммуникация с обыденно-практическим сознанием (с учетом его социокультурной специфики). В этом случае можно говорить об экспликации социокультурного — в смысле социокультурного приемлемого — понятия (концепта) какого-либо феномена [9].

В данной монографии В.П. Фофанов также расширил границы рефлексивной коммуникации на уровне мировоззрений. «Каждая онтология — например, мифологическая, религиозная, научная и т. д., — писал он, — исторически закономерна и в этом смысле адекватна своему миру» [8, с. 252]. Здесь фактически утверждается относительная истинность всех мировоззрений (релевантных разным мирам), а следовательно — необходимость включения их в горизонтальную рефлексивную коммуникацию.

В монографии «Социальная деятельность и теоретическое отражение» (1986) В.П. Фофанов иначе изложил свою позицию в отношении рефлексивной коммуникации мировоззрений. Иллюзорным мировоззрениям противопоставлены наука и искусство, реализующие сущностное (истинностное отражение) [10, с. 68]. В политической практике, например, «нужна не только наука, но и искусство, если понимать под этим ту высшую ступень мастерства, когда решения принимаются с учетом мельчайших, подчас интуитивно улавливаемых факторов» [10, с. 164]. Необходимость искусства в политике В.П. Фофанов также аргументировал необходимостью учета логики обыденного и массового сознания, а также действия социально-психологических механизмов [10, с. 163]. В связи с этим неясно, почему можно абстрагироваться от других типов мировоззрений, которые присутствуют в массовом сознании?

В постсоветский период В.П. Фофанов стал подчеркивать значимость религии для современной науки и массового сознания. В послесловии к переизданию книги А. Безант «Древняя мудрость» (1994) выдвинутую теософами идею синтеза науки, религии и философии он расширяет до идеи мировоззренческого синтеза, охватывающего все важнейшее в разнообразных духовных традициях [11]. По его мнению, для науки это важно потому, что: 1) позволит увидеть ее мировоззренческие истоки (например, химия выросла из алхимии); 2) поможет преодолеть наукоцентризм и определить границы применимости науки; 3) расширит эмпирическую базу. Вступив в рефлексивную коммуникацию с другими типами мировоззрений, наука лучше осознает собственную специфику, приобретет большую самодостаточность и зрелость.

Решительный интерес к эзотерике есть реализация установки на рефлексивную коммуникацию, которая учитывает относительную истинность позиции другого и ее ценность для расширения основания и развития собственной позиции. Не случайно В.В. Целищев, логик, аналитический философ и безусловный сциентист, считал, что подготовленный читатель, должен быть знаком с мифологией, историей, философией, религией и другими областями человеческой культуры [12, с. 8].

Мне кажется, что благодаря именно Борисову Вадиму Николаевичу на кафедре философии НГУ сформировалась тогда методологическая установка на поиск точек поддержки в различных интеллектуальных традициях. Так, при характеристике феномена подражания М.А. Розов опирался первоначально на исследования приматов, с 1980-х годов — под влиянием обсуждений на кафедре философии НГУ — своим непосредственным предшественником он

стал считать французского социолога Габриэля Тарда. «Исследователь часто не осознает, что его тематика разрабатывалась в других интеллектуальных традициях», — говорил мне В.П. Фофанов, когда мы обсуждали с ним превращение теории нормативных систем в теорию социальных эстафет.

В заключение сформулируем следующие выводы:

1. Рефлексивная коммуникация — это опыт расширения, углубления и возвышения сознания. Оно становится объемным.

2. Горизонтальная рефлексивная коммуникация учитывает духовный опыт других направлений, дисциплин и мировоззрений. Постнеклассическая наука допускает рефлексивную коммуникацию с другими мировоззрениями — искусством и утопией, мифологией, религией и эзотерикой.

3. Вертикальная рефлексивная коммуникация актуализирует и пересматривает классическое наследие. Поэтому исследование должно быть сознательным продолжением конкретной интеллектуальной традиции. Любую инновацию нужно обосновывать актуализацией древней традиции. Следует сохранять и культивировать различные духовные традиции. Через несколько столетий периферийные традиции могут стать центральными.

Поэтому поддержание и культивирование философской традиции, у истоков которой стоит А.В. Савинов, а продолжил В.Н. Борисов, является актуальным. Эта традиция периферийна и пока малозаметна в отечественной философии, но тем не менее достаточно влиятельна.

Список литературы

1. Тюгашев Е.А. В.Н. Борисов – В.П. Фофанов: парадигмальное ядро исследовательской программы // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2019. – № 2 (2). – С. 84–90.
2. Марача, В.Г. Рефлексивная коммуникация стратегических субъектов как условие успешной разработки и реализации стратегии развития территории // Четвертая международная конференция по проблемам управления (26–30 января 2009 года): Сборник трудов. – Москва: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2009. – С. 1334–1342.
3. Момджян К.Х. Кризис фрагментации в современной социальной философии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2012. – № 1. – С. 61–71.
4. Борисов В.Н. Взаимосвязь отражения и деятельности в процессе познания // Природа сознания и закономерности его развития. – Новосибирск: НГУ, 1966. – С. 33–41.
5. Борисов В.Н. К определению метода познавательной деятельности // Проблемы методологии научного познания. – Новосибирск: НГУ, 1968. – С. 3–9.
6. Борисов В.Н. О соотношении категорий «сущность», «явление» и «действительность» // Проблемы методологии научного познания. – Новосибирск: НГУ, 1968. – С. 44–50.
7. Фофанов В.П. Экономические отношения и экономическое сознание. – Новосибирск: Наука, 1979. 270 с.
8. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. – Новосибирск: Наука, 1981. – 304 с.
9. Тюгашев Е.А. Социокультурное понятие деятельности // Философская мысль. – 2015 – № 6. – С. 1–25.
10. Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. – Новосибирск: Наука, 1986. – 189 с.
11. Фофанов, В.П. Мировоззренческий синтез на грани тысячелетий: роль теософии // Безант А. Древняя мудрость. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. URL: <https://web.archive.org/web/20050213161452/http://filosof10.narod.ru/lib/Filosofia/Bezant.doc> (дата обращения: 12.05.2021).

12. Целищев В.В. Предисловие переводчика // Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. – М.: Эксмо, Мидгард, 2007. – С. 6–8.

References

1. Tyugashev E.A. V.N. Borisov – V.P. Fofanov: the paradigmatic core of the research program. *Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Philosophy*. 2019. No. 2 (2). P. 84–90.
2. Maracha V.G. Reflexive communication of strategic subjects as a condition for successful development and implementation of a territory development strategy. Fourth International Conference on Management Problems (January 26–30, 2009): Proceedings. Moscow: Institute of Control Problems named after. V.A. Trapeznikova RAN, 2009. P. 1334–1342.
3. Momjyan K.Kh. Crisis of fragmentation in modern social philosophy. *Bulletin of Moscow University. Ser. 7. Philosophy*. 2012. No. 1. P. 61–71.
4. Borisov V.N. The relationship between reflection and activity in the process of cognition. The nature of consciousness and the laws of its development. Novosibirsk: NSU, 1966. P. 33–41.
5. Borisov V.N. To the definition of the method of cognitive activity. *Problems of methodology of scientific knowledge*. Novosibirsk: NSU, 1968. S. 3–9.
6. Borisov V.N. On the relationship between the categories «essence», «phenomenon» and «reality». *Problems of methodology of scientific knowledge*. Novosibirsk: NSU, 1968. P. 44–50.
7. Fofanov V.P. Economic relations and economic consciousness. Novosibirsk: Nauka, 1979. 270 p.
8. Fofanov V.P. Social activity as a system. Novosibirsk: Nauka, 1981. 304 p.
9. Tyugashev E.A. Sociocultural concept of activity. *Philosophical Thought*. 2015. No. 6. P. 1–25.
10. Fofanov V.P. Social activity and theoretical reflection. Novosibirsk: Nauka, 1986. 189 p.
11. Fofanov V.P. Worldview synthesis on the verge of millennia: the role of theosophy. Besant A. Ancient wisdom. Novosibirsk: VO «Nauka». Siberian Publishing Company, 1994. URL: <https://web.archive.org/web/20050213161452/http://filosof10.narod.ru/lib/Filosofia/Bezant.doc> (Accessed: 05/12/2021).
12. Tselishchev V.V. Translator's Preface. Encyclopedic exposition of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian symbolic philosophy. Moscow: Eksmo, Midgard, 2007. P. 6–8.

Информация об авторе

Евгений Александрович Тюгашев, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск, Россия. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. Tyugashev, Doctor of philosophy, Associate Professor of the Novosibirsk State University, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

ФЕНОМЕН КАЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ

© Р.Р. Мухин

Старооскольский технологический институт, (филиал) ФГАОУ Национального исследовательского технологического университета «Московский институт стали и сплавов», Старый Оскол, Россия

Поступила в редакцию 12.12.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Мухин Р.Р. Феномен качественной теории в междисциплинарном контексте // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 37–42. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.5>

Аннотация. Качественная теория явилась завершением классической и переходом к современной математике. Это не только новая математика, а новая математика в физике, экономике, гуманитарных науках. Она преобразила облик самой математики и сферу ее приложений. Качественные методы затронули наше миропонимание, поставив вопросы об основах научного знания.

Ключевые слова: качественная теория; математика; физика; экономические и гуманитарные науки; эпистемология.

THE PHENOMENON OF QUALITATIVE THEORY IN AN INTERDISCIPLINARY CONTEXT

© R.R. Mukhin

Starooskolsky Technological Institute, (branch) of the National Research Technological University «Moscow Institute of Steel and Alloys», Staryi Oskol, Russian Federation

Original article submitted 12.12.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Mukhin R.R. The phenomenon of qualitative theory in an interdisciplinary contexts. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):37–42. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.5>

Abstract. The qualitative theory was the completion of the classical and the transition to modern mathematics. This is not only new mathematics, but new mathematics in physics, economics, and humanities. It has transformed the face of mathematics itself and the scope of its applications. Qualitative methods have touched our understanding of the world by raising questions about the foundations of scientific knowledge.

Keywords: qualitative theory; mathematics; physics; economics and humanities; epistemology.

Качественная теория означала завершение классической и переход к современной математике. Это не только новая математика, а новая математика для физики, экономики, гуманитарных наук. Она привела к нелинейной науке, выдвинув целый ряд концептуальных положений, затрагивающих методологические и эпистемологические установки. Первым и самым значительным полем приложений явились нелинейные проблемы физики.

Качественная теория позволила создать нелинейную динамику, составной частью которой является теория динамического хаоса. Это открытие особого рода. При построении теории следует придерживаться двух положений: «внешнее оправдание» (эмпирическая база) и «внутреннее совершенство» (согласованность, логическая стройность и простота построений) (А. Эйнштейн). Во всей полноте намеченный путь в открытии хаоса оказался неприменимым. Немногочисленные прямые экспериментальные данные не составили эмпирическую базу при исследованиях хаоса. Что касается «внутреннего совершенства», отличия еще более разительные. Отсутствовал этап создания новой концептуальной структуры, призванной составить основу новой теории. Здесь физическая основа осталась неизменной (классическая механика). Все обусловлено свойствами решений уравнений, что имеет универсальный характер и не ограничивается физическими системами. И тут совершенно неожиданно открылось новое поле возможностей. Непонимание того, что в основе хаоса лежит не особый физический механизм, явилось главной причиной затянувшегося на несколько десятилетий открытия этого явления.

Область проявлений статистических закономерностей оказалась значительно шире, чем считалось. В самой физике явление хаоса проявляется практически во всех ее областях. Сами области проявления очень узкие, но принципиально важно их наличие. Открытие явлений, формирующих наши представления об устройстве мира, могут происходить без прямого воздействия эксперимента. Глубокие концептуальные сдвиги могут совершаться без изменения теоретического фундамента, на уровне лишь получения следствий из фундаментальных уравнений. Произошло смещение понимания: динамическое и статистическое описание располагались иерархически, приоритет первичности отдавался динамическому описанию. Теперь оба подхода в определенном смысле воспринимаются диалогически, на одном уровне. Произошло не только открытие новых явлений, но осознание ограничений, сужение круга вопросов, которые можно задавать. Возникает вопрос: является ли классическая механика завершенной теорией? Что понимать под завершенностью для фундаментальной теории, определяющей картину мира? Мы находимся только в начале пути. Глубокое исследование сложившихся областей, скажем, гидродинамики, может не просто добавить какие-то детали, а привести к неожиданным концептуальным результатам.

Эксперимент и теория являются тесно связанными, но самостоятельными сущностями. Исследование нелинейных явлений по-новому высветило проблему их единства и самостоятельности. В частности, как относиться к таким явлениям, как диффузия Арнольда, существование которой строго доказано теоретически, но даже косвенная экспериментальная проверка крайне затруднительна, поскольку эффект проявляется на астрономических масштабах времени?

В нелинейных явлениях исключительное значение отводится математике, изменились роль и место математического формализма. Поведение нелинейных систем находится за пределами интуитивных представлений. Существуют такие задачи, очень трудные в математическом отношении, решение которых дает возможность выявить нетривиальную «тонкую структуру» явлений, недоступную при традиционном подходе. Тогда задача смещается в математическую плоскость, приводятся в действие самые современные математические инструменты, решение проводится на математическом уровне строгости (программа Чебышева-Колмогорова).

Новая математика явилась не просто средством вычисления, а способом думать и понимать. Были сформулированы новый язык и система понятий, прочно вошедших в физику. Количественный и качественный подходы представляют бинарную оппозицию, являются взаимно дополнительными. В разные периоды и даже для разных проблем центр оппозиции смещался к тому или к другому полюсу.

Изучение нелинейных явлений проливает новый свет на понятие идеализации. При внутренней неустойчивости системы разделение факторов на существенные и несущественные приобретает иное значение, причина и следствие становятся явлениями разных масштабов. Сколь угодно тонкие детали могут стать существенными, и ничтожная причина приводит к большим конечным эффектам. Проблема отделения уравнений от начальных условий и значений параметров из практической плоскости переходит в разряд принципиальных, становясь составной частью теории. Отчетливо проявляется то, что выделение на главное место уравнений и отнесение на задний план начальных условий, представляет приближение и имеет свои границы применимости. В области неустойчивости проблема начальных условий перестает быть локальной и приобретает иной смысл идеализация замкнутой системы.

Выделение существенных факторов значительно упрощает рассмотрение. Все остальные сложности относят к качественной стороне явления. Здесь мы подходим к понятию структурной устойчивости — одного из важнейших понятий не только всей нелинейной науки, но лежащей в основе нашего миропонимания. В понятии структурной устойчивости формализована такая сторона, как глобальное описание. В точке бифуркации система становится структурно неустойчивой и в ней разделяются качественно отличающиеся состояния. Понятие структурной устойчивости имеет общенаучное значение. Так, в математике она лежит в основе попыток решения грандиозной задачи — классификации динамических систем. Требование структурной устойчивости запрещает задавать слишком точные вопросы о качественном поведении системы в тех случаях, когда малое изменение модели меняет ответы на эти вопросы (В.И. Арнольд).

Качественная теория преобразила весь облик математики и ее приложений. Фундаментальным образом поменялась идеология, глубина взаимодействия математики и других наук. Вошли в обиход математические понятия, до этого чуждые физическому мировосприятию (теоремы существования и единственности, множества меры нуль и т. д.). Нахождение даже качественного решения может оказаться слишком сильным требованием и тогда ограничиваются еще более грубым описанием. Пример дает теория турбулентности — фундаментальная

нерешенная проблема классической физики. Последовательное дедуктивное построение теории на современном уровне развития математики, видимо, невозможно. Даже доказательство существования решения уравнений гидродинамики представляет крайне сложную задачу. Значение качественной теории характеризует тот факт, что задачи качественного характера отнесены к числу нерешенных проблем тысячелетия.

В настоящее время сложился новый вид исследования — вычислительный эксперимент, претендующий на самостоятельный вид исследования наряду с теорией и лабораторным экспериментом. В нем присутствуют все составляющие традиционного научного метода «гипотеза-дедукция-эксперимент». Вычислительный эксперимент выступает как эвристический метод, в том числе и в современной математике. С его помощью выбираются направления для дальнейших исследований, даже может привести к изменению логического характера задачи. В основе необязательно лежат твердо установленные теоретические положения, это восполняется строгим обоснованием вычислительных процедур. Вычислительный эксперимент ставит перед эпистемологией серьезные проблемы и по его поводу не ослабевают острые дискуссии. Еще к Пармениду и Галилею восходит идея, что к истине может привести строгий анализ проблемы, даже без обращения к экспериментальной проверке. Вычислительный эксперимент находится в том же ряду.

Методология и понятия нелинейной динамики сформировались на простых моделях, но они претендуют на универсальный характер. В «сферу влияния» попали экономические и гуманитарные науки. Этому способствует и общая атмосфера эпохи с ее потрясениями, войнами, революциями, экономическими кризисами, когда без видимых причин рушится, что казалось незыблемым. Нелинейное мышление коррелирует с общекультурным кодом эпохи, находится в русле тенденций, когда усилилось значение комплексных исследований, междисциплинарных связей, вовлечения в разные области знания общенаучных понятий (структура, система, информация и др.). К последним относится и понятие нелинейности. Нелинейные задачи были предметом изучения с самого начала возникновения точного естествознания. Но доминирующее место занимала линейная базовая модель, когда нелинейность учитывалась с помощью поправок. Считалось, что линейного языка достаточно для понимания основных закономерностей. Возможности такого подхода оказались исчерпанными, когда нелинейность не являлась малой. Это привело к необходимости выделения нелинейных систем как первичной структуры.

Взаимодействие нелинейной динамики с экономическими и гуманитарными областями разнопланово и имеют место два аспекта. Первый — непосредственное применение развитого математического инструментария для решения конкретных задач. Здесь имеются некоторые успехи (теория деловых циклов, модель экономических циклов Гудвина и др.). Практически все канонические модели нелинейной динамики нашли применение в экономических задачах. Значительно более важным является другой аспект — распространение нового языка и системы понятий, когда проблемы экономического и гуманитарного характера формулируются в новой системе координат. Здесь, помимо трудностей перевода и подозрений в физикализме, возникают и эпистемологические вопросы. Это связано с категориальной разобщенностью систем.

Как соотнести понятия, созданные в математике и физике, с гуманитарными маркерами — ценностью, смыслом, эмоциональным настроем, политическими и идеологическими предпочтениями? Не последнее значение имеет социокультурный опыт, особенности социализации «физиков» и «лириков». Не будет ли это все просто пересказом на новом языке известных истин, или преходящей модой?

Нелинейность присуща экономическим и социальным системам с их неустойчивостью, структурными изменениями, непредсказуемостью. Линейность и устойчивость экономических систем имеет ограниченную применимость, экономический хаос демонстрируют даже маломерные простые модели, имеются фундаментальные ограничения на экономическое прогнозирование. Все это совершенно преобразило взгляды на процесс экономического развития. Возвращение к представлениям линейной эпохи стало невозможным.

Понятия естественных и гуманитарных наук достаточно автономны и не имеют между собой прямых соответствий. Пара взаимно несопоставимых элементов с отношениями адекватности образует семантический троп. В этом отношении тропы составляют суть творческого мышления с предельно широкой сферой применимости. Наглядные аналоги абстрактных идей, модели элементарных частиц и пр., являются тропами. Закономерное сближение часто выступает в качестве толчка для формулирования новой закономерности [1, с. 178]. Сказанное помогает понять наличие объективного поля взаимодействий между естественными и гуманитарными областями. При несходстве объектов между ними имеется общность. Основанием для размежевания является отсутствие в гуманитарных науках точных определений, понятия представляются расплывчатыми, опорными элементами выступают идеи-термы с присущим им релевантным знанием. Крайне затруднена формализация. Нелинейный язык и система понятия не означают подмену имеющегося языка и понятий гуманитарной сферы. Имеется в виду сосуществование и диалог разных концептуальных положений и эквивалентных описаний, которые вовлекаются в отношения взаимодополнительности, включая гуманитарные области в более широкий контекст. Переводимость дает своего рода метаязык, позволяющий преодолеть эффект отчуждения, и расширить когнитивный горизонт. Пределы понятийного каркаса, смысловое наполнение значительно изменяются. Пока еще нет эффективного набора формализованных процедур, требуется другая математика.

Перевод на язык качественной теории предполагает обретение новой структурной организации. «Выражение некоторой сущности средствами другого языка — основа выявления природы этой сущности» [1, с. 254]. Новый подход открывает другие позиции, воздействуя не только на содержание, но и на логику процесса исследования. Выявляется иное понимание исторического процесса (Пригожин И. [3], Николис Г., Пригожин И. [4], Лотман Ю.М. [1, 2]). Ход событий, определенный всей совокупностью исторических условий, протекает детерминированным образом. В точках бифуркации нарушаются причинно-следственные связи, реализуется не только механизм случайности, но и механизм сознательного выбора. Определяющее значение может приобрести роль индивида, речь, пропаганда. Случайность не беспричинна, она из другого причинного ряда. После сделанного выбора дальнейший ход процесса

протекает детерминированным образом. С точки зрения внешнего наблюдателя произошедшее является единственно возможным, согласуясь с гегелевским отрицанием случайного в историческом процессе.

Поскольку всего знать невозможно, нужно ограничиться пониманием (Ж. Санд). Целью науки является не только получение ответов. Не менее важно постановка правильных вопросов и способ рассуждений, главное значение имеют такие вопросы, на которые нет однозначных или окончательных ответов. Новые подходы открывают возможность нового понимания. А понимание представляет собой задачу более высокого уровня, чем просто знание.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПб.», 2010. – С. 150–390.
2. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПб.», 2010. – С. 11–148.
3. Пригожин И. От существующего к возникающему. – М.: Наука, 1985. – 326 с.
4. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: Мир, 1990. – 344 с.

References

1. Lotman Yu.M. Inside the thinking worlds. Semiosphere. St. Petersburg: Art-SPb., 2010. P. 150–390.
2. Lotman Yu.M. Culture and Explosion. Semiosphere. St. Petersburg: «Iskusstvo-SPb.», 2010. P. 11–148.
3. Prigogine I. From existing to emerging. Moscow: Nauka, 1985. 326 p.
4. Nicolis G., Prigogine I. Knowledge of the complex. Moscow: Mir, 1990. 344 p.

Информация об авторе

Равиль Рафкатович Мухин, доцент, доктор физ.-мат наук, Старооскольский технологический институт, (филиал) ФГАОУ Национального исследовательского технологического университета «Московский институт стали и сплавов», Старый Оскол, Россия. **E-mail:** mukhiny@mail.ru

Information about the author

Ravil' R. Mukhin, Doctor of Physics and Mathematics, Associate professor of the Starooskolsky Technological Institute, (branch) of the National Research Technological University "Moscow Institute of Steel and Alloys", Staryi Oskol, Russian Federation. **E-mail:** mukhiny@mail.ru

СЕТЕВОЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И РИСКОВ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

© Ю.Л. Баньковская

Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск,
Республика Беларусь

Поступила в редакцию 08.11.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Баньковская Ю.Л. Сетевой подход как методология исследования социальных конфликтов и рисков современной цивилизации // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 43–48. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.6>

Аннотация. В работе раскрывается сущность сетевого подхода, исследуется специфика его применения в ситуации конфликтов и рисков современного общества. Сетевая методология ориентирована на прояснение горизонтальных, полифункциональных, многоканальных связей между акторами. Конфликты выступают фактором социального риска, негативно воздействуют на функционирование социальной системы. Исследование их сущности является необходимым условием урегулирования противоречий.

Ключевые слова: конфликт; сеть; сетевой конфликт; сетевой подход; взаимодействие; противоречие.

THE NETWORK APPROACH AS A METHODOLOGY FOR THE STUDY OF SOCIAL CONFLICTS AND RISKS OF MODERN CIVILIZATION

© Yu.L. Bankovskaya

Belarusian state agrarian technical University, Minsk, Belarus

E-mail:Original article submitted 08.11.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Bankovskaya Yu.L. The network approach as a methodology for the study of social conflicts and risks of modern civilization. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):43–48. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.6>

Abstract. The paper deals with the essence of the network approach. It is investigated specific of its application in situation of conflicts and risks of modern society. Network methodology is focused on clarifying horizontal, multifunctional, multi-channel relationships between actors. Conflicts are a factor of social risk that negatively effects on the functioning of social system. The study of their essence is a necessary condition for settlement of contradictions.

Keywords: conflict; network; network conflict; network approach; interaction; contradiction.

Современное общество характеризуется наличием сложных многоуровневых структур, для которых свойственны разнообразные кооперативные, функциональные и конфликтные формы взаимодействия. Интенсификация процессов глобализации при одновременном развитии информационно-коммуникационных технологий приводят к трансформации социальной реальности, способов и форм конфликтного противоборства под воздействием развития сетевых технологий. Актуальность исследования конфликтного взаимодействия акторов в сетевом пространстве обусловлена разрастанием террористических и экстремистских группировок, использующих сети для распространения информации и манипуляторного воздействия на человека, ростом киберпреступности, увеличением доли электронных преступлений в экономической сфере жизнедеятельности, присвоением интеллектуальной собственности. Нарастание международной напряженности вследствие разворачивания конфликтов между разными государствами и их коалициями актуализирует необходимость обеспечения национальной и планетарной безопасности. «Современный социум, — пишет Е.М. Бабосов — это такое общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых людьми. Это осуществляется с помощью, переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий, применяемых повсеместно — в производстве, науке, образовании, торговле, финансах, культуре, спорте, государственном управлении и военном деле. Многогранный процесс осетевления практически включает в свою орбиту все сферы жизни общества и жизнедеятельности людей» [1, с. 196]. Множественность конфликтов, неустойчивость, непредсказуемость и нестабильность развития и функционирования общества приводит к увеличению социальной напряженности и конфронтации. Происходит постепенное смещение акцента от непосредственного осуществления воздействия на оппонента при возникновении противоречий в сторону опосредованного информационного влияния.

Сеть представляет собой объединение различных субъект-объектных образований в структурно упорядоченное целостное единство на основании формальных и неформальных связей между элементами. А. Мартин и Б. Веллмен рассматривают сеть как «ряд социально релевантных узлов, связанных одним или более типом отношений» [2, с. 11]. Сеть динамична, она постоянно изменяется. Одним из механизмов, содействующих ее преобразованию, выступает конфликтное взаимодействие ее элементов. Таким образом, конфликт приводит к изменению системой своего качества, направления или уровня развития, создает новые возможности для существования и преобразования сети, поскольку дезорганизация способствует новой организации.

Сетевой подход содействует акцентуации внимания не на сетевых элементах, а на сложившихся взаимоотношениях между ними. Данный ракурс рассмотрения направлен на исследование конфликтных взаимодействий, сложившихся между людьми в рамках сетевого образования, на визуализацию сущности противоречий. Его методологической спецификой является смещение акцента с вертикальных связей на горизонтальные. Универсальность сетевой методологии заключается в создании возможностей для конструктивного взаимодействия акторов, принадлежащих к разным социальным слоям и обладающих неодинаковыми позициями или статусами во властной, экономической и иной

иерархии. Использование ее потенциала позволит рассмотреть сложные социальные процессы, выявить специфику социальных взаимоотношений. Отличительным признаком сетевого подхода является рассмотрение широкого круга структур, функционирующих на микро- и макроуровнях. В рамках данного подхода изучается размещение сетевых элементов относительно друг друга и сети в целом, отображаются их взаимоотношения, что позволяет прояснить специфику воздействия одних акторов на другие, выявить форму их взаимоотношений и взаимосвязей, что в дальнейшем поспособствует выработке механизмов стабилизации системы, принятию действенных решений и мер по урегулированию конфликта.

Сетевая методология формирует широкие эвристические возможности для изучения конфликтного взаимодействия. Она позволяет рассматривать процессы, происходящие на глобальном и локальном уровнях, в сфере действий как государств и их структур, так и негосударственных акторов, имеющих свои собственные интересы и потребности. Ее использование к анализу конфликтов позволяет, с одной стороны, визуализировать структуру взаимодействия акторов, с другой стороны, понять механизмы разворачивания противоречий, их актуализации, выявить факторы, влияющие на динамику дальнейшего развития противоборства с целью выработки эффективных методов по его урегулированию.

Сетевые структуры представляют собой децентрализованные образования, построенные на основании партнерских отношений между взаимодействующими субъектами, характеризуют одновременное наличие в системе множества центров активности. По мнению Р. Хаггинса, под сетевой структурой следует понимать «структуру, которая содержит две или более компании, которые преследуют общие цели или работают над решением общих проблем, взаимодействуя на протяжении длительного периода времени» [3, с. 112]. М. Кастельса рассматривает ее как «комплекс взаимосвязанных узлов», причем «конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь» [4, с. 501]. В сетевых структурах преобладают неформальные личные связи, присуще отсутствие иерархии, вследствие чего горизонтальные или кооперативные отношения доминируют над вертикальными или иерархическими. К наиболее значимым их характеристикам относятся такие черты как самореферентность, превалирование формы опосредованного внутрисетевого взаимодействия. Специфика взаимодействия сетевых структур проявляется в их незначительной зависимости от социальных и географических границ, высоких оперативных возможностях, проявляющихся в обмене значительным объемом информации. Элементы сетевой структуры являются открытыми как по отношению друг к другу, так и по отношению к внешней среде. Постоянные связи между элементами структуры в большинстве случаев отсутствуют, ибо они взаимодействуют между собой только на период решения актуальных задач.

Сетевой конфликт неразрывно связан в своем проявлении с коммуникацией, ибо его специфика заключается в том, что единственной возможностью его проявления выступает информационно-коммуникационное пространство. Наличие свободной горизонтальной коммуникации предопределяет энтропийность сети. Отсутствие иерархии, ограниченность применения общепринятых

норм, возможность самопрезентации и анонимность характеризуют качественные особенности данного коммуникативного пространства. Сети создают универсальную возможность осуществления коммуникации между представителями различных социальных слоев, нивелируя их статусные и ролевые различия. Анонимность и асинхронность, уменьшение значимости авторитетов и увеличение доли диссоциативного воображения создают «эффект расслабления» в процессе коммуникации [5, с. 17–41]. Специфику сети задают объединение таких ее составляющих как позиции акторов, их взаимосвязь, взаимодействие на основании имеющихся ресурсов. Сетевая коммуникация облегчает установление новых связей между элементами. Потоки капитала, информации, технологий, содействующие обмену ресурсами, отображающими сущность социальных процессов, происходящих в системе, целенаправленно программируют позиционное взаимодействие акторов.

Сетевая коммуникация является не только формой передачи информации, но и способом установления и поддержания связей с другими людьми, налаживанию взаимоотношений между акторами как внутри данного сетевого образования, так и с внешней средой. Она направлена на формирование нового социального сообщества, его интеграцию, что создает дополнительные возможности для расширения сферы межличностного взаимодействия. Процессы сетевизации общества увеличивают возможности для коммуникативного обмена представителей разных государств. Разделенные географически, сетевые акторы выполняют совместные определенные действия, направленные на реализацию некоторой задачи. Тем самым, упраздняются пространственные барьеры, мешающие реализации коллективного замысла. Следовательно, увеличивается скорость принятия решений благодаря возможности быстрого реагирования на происходящие изменения.

Информационное противоборство становится одним из основных способов воздействия на проблемную ситуацию. Оно содействует формированию мнения определенных социальных групп о конфликтной ситуации, влияя, тем самым, на алгоритмы принятия решений, социальное управление и регулирование конфликтов. Однако нередко эскалация противоречий приводит к его экспансии на социальную реальность, благодаря чему возможно применение географических, пространственно-временных и иных факторов воздействия на конфликтную ситуацию.

В рамках сетевой коммуникации конфликт может приобретать форму информационного терроризма. Данный феномен заключается в использовании информации в террористических целях, дестабилизирующих социальную систему вследствие угрозы применения насилия, физического или психологического воздействия, запугивания. Дезорганизация, нарушающая общественную безопасность, деструктивно воздействует на стабильность функционирования социальной системы. Выявление специфики взаимодействия сетевых структур является необходимым условием сохранения стабильности и устойчивости развития и функционирования общества и государства.

Тенденции развития сетевых конфликтов диктуют необходимость создания новых или совершенствования уже существующих стратегий и способов их разрешения. Исследование природы противоречий в сетевых структурах практически востребовано в связи с наличием возможности быстрого

разрастания конфликта, его деструктивного воздействия на все сферы жизнедеятельности общества. Нацеленность на совместное обсуждение проблемы, вовлечение в сферу рассмотрения представителей различных социальных групп позволяет всесторонне проанализировать возникающие вопросы, выработать наиболее оптимальные способы изменения сложившейся проблемной ситуации и ее преобразования для дальнейшего стабильного функционирования системы.

Сети способствуют эффективному управлению процессами, происходящими в обществе. Их действенность реализуется благодаря отсутствию жесткой иерархической структуры и наличию множества узлов, содействующих эффективному руководству. Универсальность управленческих механизмов задается гибкостью и открытостью сетевых структур, существованием возможности совместного урегулирования конфликта.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что сетевой подход к анализу конфликтных противоборств сформировался как коммунитарное направление, заключающееся в приоритете интересов и прав социальной общности, их норм и ценностей, а не отдельного человека. При исследовании сложных социальных процессов он раскрывает взаимосвязи и взаимоотношения отношения между акторами. Его использование в качестве теоретико-методологического аппарата исследования процессов социальной реальности содействует пониманию сущности и выявлению закономерностей протекания конфликтов, что в дальнейшем приведет к выработке механизмов и способов сетевого управления, поиску путей разрешения противоречий. Методология сетевого подхода акцентирует внимание на взаимосвязях и взаимоотношениях между акторами социальных взаимодействий. По этой причине она является универсальным инструментом в исследовании конфликтов. Выявляя наиболее значимые связи и отношения, структуру взаимодействия акторов, этот метод выявляет наиболее существенные узловые позиции, оказывающие наибольшее влияние на процессы функционирования сети. Применение сетевого подхода для исследования конфликтного взаимодействия акторов направлено на изучение сложных социальных процессов, выявление скрытых связей между элементами сети, что служит основанием для разработки алгоритма действий по разрешению конфликтов.

Изучение влияния сетевых структур на специфику взаимодействия акторов при возникновении конфликтов заложено в основании сетевого подхода как междисциплинарного и универсального способа освоения общественных отношений. Его гибкость и динамизм проявляется в его возможности охватить такие феномены социальной реальности как деиерархизация, полифункциональность, многомерность, глобальность. Акцент внимания на связи и отношения между акторами позволяют исследовать каналы обмена ресурсами, приводящие к возникновению противоречий.

Список литературы

1. Бабосов Е.М. Роль креативности личности в развитии сетевого общества. – Минск: Беларуская думка, 2019. – 300 с.
2. Martin A., Wellman B. Social network analysis: an introduction // Handbook of social network analysis / Ed. by P. Carrington, J. Scott. – London: Sage, 2011. – P. 11–25.

3. Haggins R. The Success and Failure of Policy-Implanted Iner Firm. Network Initiatives: Motivations, Processes and Structure // *Entrepreneurship & Regional Development*. – 2000. – № 12. – P. 111–135.
4. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / С.С. Аверинцев [и др.]; под общ. ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494–505.
5. Joinson A., McKenna K., Postmes T. Oxford handbook of Internet psychology. – New York : Oxford university press, 2007. – 508 p.

References

1. Babosov E.M. The role of personality creativity in the development of a network society. Minsk: Belarusian Dumka, 2019. 300 p.
2. Martin A., Wellman B. Social network analysis: an introduction. Handbook of social network analysis / Ed. by P. Carrington, J. Scott. London: Sage, 2011. P. 11–25.
3. Huggins R. The Success and Failure of Policy-Implanted Iner Firm. Network Initiatives: Motivations, Processes and Structure. *Entrepreneurship & Regional Development*. 2000. No. 12. P. 111–135.
4. Castells M. Formation of a society of network structures. *New post-industrial wave in the West. Anthology*. S.S. Averintsev [et al.]; under total ed. V.L. Inozemtseva. Moscow: Academia, 1999. P. 494–505.
5. Joinson A., McKenna K., Postmes T. Oxford handbook of Internet psychology. New York: Oxford university press, 2007. 508 p.

Информация об авторе

Юлия Леонидовна Баньковская, доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета, Минск, Республика Беларусь. **E-mail:** ulia_bank@tut.by

Information about the author

Yulia L. Bankovskaya, Associate Professor, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** ulia_bank@tut.by

TECHNOLOGY OF DIGITAL ECOSYSTEMS

© *A.I. Loiko*

Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted 11.12.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Loiko A.I. Technology of digital ecosystems. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):49–56. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.7>

Abstract. The phenomenon of technology is considered in the context of its presence in natural and artificial ecosystems. Accordingly, the features of the evolution of technology under the influence of the co-evolutionary model of human life, developed under the impression of the growing risks of destruction of the dynamic balance of the biosphere, are revealed. It also describes the features of the evolution of technology in artificial ecosystems based on convergent technologies. The possibilities of pairing the priorities of minimizing the anthropogenic pressure of the technosphere on the biosphere with smart technologies are analyzed.

Keywords: technology; ecosystem; coevolution; biosphere; dynamic equilibrium; convergence; smart technologies.

ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ

© *А.И. Лойко*

Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию 11.12.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Лойко А.И. Технологии цифровых экосистем // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 49–56. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.7>

Аннотация. Феномен техники рассмотрен в контексте его присутствия в природных и искусственных экосистемах. Соответственно выявлены особенности эволюции техники под влиянием коэволюционной модели жизнедеятельности человечества, разработанной под впечатлением растущих рисков разрушения динамического равновесия биосферы. А также описаны особенности эволюции техники в искусственных экосистемах на основе конвергентных технологий. Проанализированы возможности сопряжения приоритетов минимизации антропогенного давления техносферы на биосферу со смарт-технологиями.

Ключевые слова: техника; экосистема; коэволюция; биосфера; динамическое равновесие; конвергенция; смарт-технологии.

The term «ecosystem» was originally developed in the subject field of biology for the systemic consideration of the local environment of the biosphere, taking into account the dynamic diversity of organisms evolving in it, creating a dynamic balance within a specific geographical landscape. The biological ecosystem model has been tested on the planet for billions of years. As a result, it has reached a level of high self-organization and adaptation to the geographic environment and climatic changes.

In the course of the evolution of the biosphere, man as a generic creature became one of the organisms of natural ecosystems. According to archeological data, the evolution of this generic creature began in the local area of East Africa (finds in the Olduvai Gorge). Subsequently, communities of people through migration became part of most local ecosystems of the biosphere.

Communities of people began to modify biological ecosystems through the practices of animal husbandry and agriculture. By means of breeding technologies, they have created an additional biological diversity of plants and animals, as well as a biological environment for agriculture and a sedentary lifestyle in the form of urban-type settlements. A new type of socio-natural ecosystems was created. It began to exert anthropogenic pressure on biological ecosystems as forest areas began to decline. Nomadic livestock breeding drove wild populations out of the steppes and deserts. Technique in the form of tools, soil cultivation technologies and urban construction has become one of the tools for people to construct new ecosystems.

Agricultural civilizations have made plants and animals part of their social space. Some of them satisfied the needs of people for food others ensured safety, transport functions, and provided wool and leather. Socio-natural ecosystems were, despite the agricultural basis, in the risk zone. This is evidenced by the facts of the death of traditional civilizations. In order not to find itself in the irreversible process of death, the civilization of the medieval West was transformed into a technogenic civilization. Science, industrial technologies and market economy became the basis of its development. Having overcome the geographical isolation, part of the European population migrated to the New World.

Industrial technologies created special local urban ecosystems that excluded agricultural activities and were based on a clear division of labor and a huge consumption of minerals. This immediately affected European urban ecosystems. Due to the high population density, wooden buildings, lack of sewerage, they have become a site of epidemics, a high concentration of chemical emissions in the urban air and water environment. North American cities soon faced a similar situation.

At the beginning of the twentieth century, representatives of the Chicago School, in particular, R. Park, proposed a methodology for considering the city as a living organism, with its characteristic systems of life. As a result, in the applied part of this methodology, a project was proposed for modernizing the urban environment of Chicago, taking into account environmental factors that contribute to the dynamic balance of the urban environment through the effective use of aerodynamics of air flows and sewer systems.

In the 60s of the twentieth century, a global situation of ecological catastrophe was established, due to the peculiarities of industrial technologies. The international theme of maintaining the dynamic balance of the biosphere was formulated. International protocols have been adopted. But the key issue was the modernization of energy and industrial technologies to meet recycling standards. These are expensive projects. Therefore, a significant part of the world's population hopes for the potential of self-regulation of the biosphere in the face of growing anthropogenic pressure on it.

Due to significant financial costs and because of the financial insolvency of most developing countries, in a practical aspect, they talk about ecology only in the zone of the golden billion. The former Soviet republics faced a similar situation of choice between new technologies and the costs of liquidating the consequences of industrial accidents. The reason was the accident at the Chernobyl nuclear power plant. The Republic of Belarus was forced to allocate more than \$ 25 billion for the elimination of the consequences of this industrial accident over 20 years.

At the level of theory, the topic of ecology has become relevant in the categories of nature, man and technology [1]. The emphasis also began to be placed on the ecosystem as a fundamental category [2]. The aspect of ecosystem sustainability was highlighted [3]. The topic of co-evolution of natural and social systems turned out to be in demand [4]. A tendency in the dynamics of the ecological knowledge system towards socio science was revealed [5]. Initially, this shift looked like the study of the human community in terms of biology [6].

After sociology, the terminological apparatus of biology began to be used by economic and management sciences. The reason for turning to this terminology was not ecology, but the search for effective models of economic and managerial activity. This search was pushed by the resources of information technology created by mankind, and then by the sanitary and epidemiological isolationism of the covid era.

Representatives of economic discourse consider the ecosystem as a specific methodology for building business processes based on a systematic approach, the potential of a smart industry and convergent technologies. We take into account the communication functions of high technologies, the elements of which are technical devices integrated with digital platforms. The smartphone has become the main input device into the ecosystem for users of products and services. The convergence of local systems of engineering and technology is provided by integrated automated information systems.

The digital ecosystem is beneficial for users of goods and services in that it responds online via a smartphone to almost the entire range of customer needs, including the delivery of services and goods to their location. Digital ecosystems are beneficial for companies and banks, because they allow them to implement an individual approach to the client, study his needs and promptly respond to requests from the client base. This base can be hundreds of millions of users.

Digital ecosystems run in a single mobile app. They adapt to the client's requirements due to the fact that they form a single profile, summarize information about his purchases. They function through a targeted offer to the client. For small and medium-sized companies, they are open for joint activities.

Structurally, the digital ecosystem consists of a set of platforms that provide various products and services, online and offline services. Ecosystem interaction systems require regulation, since there are risks of unfair competition, discrimination of participants, technology monopolization, unlawful use of customer personal data, and an insufficient level of information security.

The open status of the digital ecosystem makes it possible for an ecosystem-leading company or bank to collaborate with other companies interested in increasing sales of their services by using the brand of the digital ecosystem. As a result, there is a diversification of services and goods, which increases the growth prospects of the ecosystem of the customer base.

Companies began to create their own local ecosystems based on a digital platform connected with applications. As a result, the user is able to satisfy various needs, the list of which reaches large values. This is not only the purchase of traditional goods, but also the Uber — economy, music, service, transact.

The term «innovation ecosystem» was in demand, since it updated the mechanisms of constructive dialogue between developers and potential investors through digital platforms. The products of the digital ecosystem are based on a smartphone with which the rest of the ecosystem is integrated. These include watches, headphones, fitness bracelets and laptops.

In the digital ecosystem, the goal is to combine different technical devices so that they complement each other. At the same time, we are talking about simplifying the interaction of units of equipment with each other by the parameter of automatic data exchange between devices. A uniform experience in the use of technology is being formed. A cloud service performs the function of linking system components into a single interacting mechanism. This address book is common to all devices. Documents are stored in the cloud and are available on all devices in up-to-date versions. The organizer is available for all devices. Basic programs: Notes and reminders are available on all devices. The web application allows you to work with mail, calendar, notes, reminders in any browser, gives access to document files. Photos are stored in shared cloud albums.

Music is stored locally on a computer, backed up in the cloud, synchronized with players, tablets, phones. Services for the exchange of text, photo and video messages between devices, and its own video telephony have been created. And also an application store, access to content from a TV, a protocol that allows you to transfer images and sound of portable devices. Provided access to the library and mobile content co. Synchronization of technical devices with Wi-Fi has been carried out.

The new business process strategy determined the evolution of technology in the paradigm of converged technologies. For information systems engineers, it is obvious that the development of information technology is not limited to the penetration of connected devices into all areas of activity. It is important to form a technology ecosystem in which solutions for collecting, transferring and analyzing data circulate on a platform that allows you to extract knowledge and use it to implement solutions.

The development of information technology is determined by several trends. First, the cost of computing power has dropped. Processors, memory, and storage are cheaper. Secondly, data transmission costs have decreased. Thirdly, there is a rapid growth in the number of connected devices and sensors. Fourthly, cloud technologies provide flexibility in storage and analysis as the amount of accumulated data increases.

A technology ecosystem, a set of relevant tools and a platform allows you to use data to implement smart solutions. The creation of such largely depends on the effectiveness of the introduction of technologies and the benefits that companies representing a particular field of activity expect. The effectiveness of this work depends on the technical departments. They function in the structure of corporate organizations. Their task is to protect current operations through gateways and data encryption.

The intersection of digital ecosystems is used. For example, cash payment programs have evolved into an ecosystem element of mobile, social, information and banking services. The Internet of Things has also become an ecosystem as a number of applications interact with each other. Access to one ecosystem makes it possible to connect to other network components, expanding the customer base with new sources of information.

The nature of the digital ecosystem precludes focusing solely on securing as such a tactic limits the company's ability to exploit new opportunities. Digital adaptation provides for the simultaneous convergence of external technologies, means of protection and methods of managing technological protocols

It is important for engineers to use a simplified version of the company's technological architecture based on micro services and APIs, which will allow third parties to connect to the new ecosystem. On the app platform, consumers will be able to choose the options they want when they have robust data privacy tools.

Ideally, all services should be connected into a single ecosystem that will offer the user a package of services through the universal technological backbone of the telecommunications company. Cloud development contains the ability to create authoring applications. The practice is to embed a third-party chat feature in customer support on the company's website.

The challenge for engineers is to think about how external, already available services can be used by the internal assets of the enterprise to create a market offer. It is important to complement the developed current processes with external specialization by changing the structure of information technology applications. It is the responsibility of engineers to test new technologies so that they can be prepared to use them in the event of positive results. Their role is great in the formation of partnerships and alliances with suppliers of software or other digital services in order to adequately assess the usefulness of technology in a particular industry.

To this end, financial services companies have formed internal corporate venture funds to promote tools such as the Internet of Things. When developing a technology platform, it is important to take into account the economic objectives of the corporate structure. The company's master data management directory should be expanded to include information from third parties, and care should be taken to enforce uniform database management standards.

In the case of a technical call from users, it is problematic to identify the location of the points of failure in the digital ecosystem, which will require the enterprise to restructure the infrastructure support processes. Agreeing on service principles with clear protocols for resolving conflicts and escalating risks is paramount to the stability of the enterprise. The creation of standard identifying tags, as well as their implementation in existing services of the digital ecosystem and third parties, is valuable for quickly identifying problems and making appropriate adjustments.

Increasing the internal information technology infrastructure through the inclusion of third-party partners and vendors involves the development of a new set of cyber security standards that clearly define the integration process and the types of data available for exchange. Working with third parties involves other legal issues. There are licensing issues between cloud providers and firms due to competing business models. Resolving conflicts requires negotiation skills and a wide range of information technology standards to avoid the constant rethinking of internal systems due to the emergence of a new partner.

Forging partnerships with a network of suppliers requires changes in skills certification and performance management. It is important to clearly define the rules and procedures by which suppliers are required to operate, with the introduction of the guidelines into the partner's internal policy. The digital environment provides for more active interaction with the outside world to understand competitive threats and

price policy factors. They start with the formation of an external application that is compatible with the internal information technology infrastructure.

As banks and companies rely on tools from external ecosystems, individuals with software expertise and experience in integrating technology into internal company resources are essential. The presence of such experts is essential to overcome the imbalance between the organization's business goals and the technological requirements of the digital ecosystem. Many companies have outsourced their integration functions. The tactics of forming an internal team of information technology architects are relevant. A digital ecosystem means the interconnection of all company services with each other. All devices are connected to each other by a common design, information technology platform, services, accessories, stores. All brand elements are united by a single value.

The design and development of the product was dominated by the concept of platform development by increasing their functionality. Companies created value by allowing other companies to use their products or create new products based on their services. As a result, most of the large information technology companies were formed. But platform methodology has boundaries. The main idea of the platform is to allow third parties to use the infrastructure as a vehicle for the distribution of value. However, this creates limitations. A good idea may not be implemented on existing platforms due to their locality. To overcome this limitation, information technology hubs are needed. Their essence is that products as they evolve open interchangeable interfaces that allow other products to integrate with them, creating value for people. This allows other products to use the product interface as an intermediary that will deliver value to the end user. Companies committed to providing a specific solution to meet customer needs do so with a product. This has two benefits.

The cost of the product rises without the efforts of the developers. Users can use more functions. At the same time, there is no need to allocate resources for their development, support, promotion and continuous improvement. Value creation and profit making are separate. Value is the priority. It is formed through interaction. The creator of the digital ecosystem, by allowing other products to use its user interface, creates new functions for users. They learn to do more things, spend more time in the service, leave data that will allow the creator of the ecosystem to make the product even better and turn it into a part of their daily life.

By allowing other products to integrate with its main user interface, the digital ecosystem offers features that its own developers would have to create. This significantly increases the value of the ecosystem for users. With its help, they can receive many services. Otherwise, they would have to use other applications and services. But this is not necessary. Users can read analytics reports, respond to customer requests, and call Uber using the same interface. Once accustomed to command logic, they can do almost anything they need to do. They get into the habit of constantly using the digital ecosystem.

This requires an interface and marketing effort to raise awareness of potential users and convince them to try the product. Developers can focus on building core functionality. This approach allows access to product functionality through any user interface. The idea of convergence of information and operational technologies arose in the 80^s, XX century, when personal computers began to be used in industry. Consider how the convergence of these technologies evolved.

Information technology companies are set to consolidate workloads for enterprises. This will allow the latter to optimize production and technological processes

simultaneously with management systems and become more competitive in their industries. Among the advantages of the convergence of information and operational technologies obvious great openness of the system, deterministic control in real time using multi-core processors, the use of web technologies and machine learning.

There is also clear benefit to machine control architectures. Advances in this area have led to changes in standardized chipsets, board designs and have given impetus to the development of complex operating systems. But industrial companies have stuck to traditional technologies.

The operating technology logic controllers used proprietary chipsets, proprietary board designs, and proprietary software. As a result, a technological gap has arisen in the development of digital technologies focused on consumers and production processes. National programs for the development of the industrial Internet and smart industry are trying to bridge this gap. One of these programs is Industry 4.0. One of the technological solutions was the introduction of industrial Ethernet protocols. The technology reduces the costs associated with switches and additional equipment by providing deterministic management of thousands of devices on the network. As a result, the functionality of industrial fieldbuses has increased. An important role is played by the use of multi-core processors, human-machine interfaces of web technologies and a simplified network protocol. Machine learning is applied. Converged service has become relevant. Any cloud service is a converged service in which telecom technologies are combined in the form of Internet access, network infrastructure, billing and the implementation of application functionality on the server, supporting the service of data center technologies, Internet protocols.

As a result, optimized technological hardware and software-hardware complexes have been created. They create conditions for solving specific problems. Synergy of technologies of social networks, geo-information services related to the location of the consumer and mobile devices and technologies.

Convergent technologies are the subject area of computer engineering. In applied terms, this is the area of computer systems engineering. It combines computer science and electronic engineering. A computer engineer is a specialist in computer networking and technology. Computer engineers have professional training in electrical engineering, software, and hardware-software integration. They do computations, from designing individual microprocessors, computers and supercomputers to circular design. Computer engineering functions include writing software and firmware for embedded microcontrollers, designing VLSI circuits, analog sensors, mixed signal boards, and developing operating systems. Computer engineers conduct research for robotics, with the aim of using digital systems to control and monitor electrical systems — motors, communications systems, and sensors.

One of the areas of computer systems is software engineering. To achieve results, software engineering integrates the principles of mathematics and computer science with engineering approaches developed for the manufacture of physical technical devices. She develops systematic models and reliable methods for the production of high quality software.

The economic ecosystems of the smart industry have a priority so far as they have opened up opportunities for optimizing their business and making a profit. This business does not ignore traditional environmental issues. She became part of the advertising dialogue with potential buyers. At the same time, the solution to the traditional

environmental problems of modernizing industrial and energy infrastructure remains dependent on the political elites and on their determination to insist on the inevitability of environmental responsibility for severe consequences for the environment. In the Russian Federation, one of the most recent examples was the elimination of the consequences of a spill of oil products in the industrial zone of Norilsk. The reason was the deterioration of tanks for storing petroleum products. Industrial companies find it hard to get used to the conclusion that upgrading infrastructure and communications is cheaper than eliminating the consequences of accidents on energy and industrial ecosystems. Without this understanding, there will be no prospects for reindustrialization, which implies the return of production in areas with high environmental expectations.

The pandemic has shown another side of the relevance of converged technologies. This relevance is due to the connection between the organism and the environment through the mediation of their constant companions in the form of viruses and bacteria. The sanitary and epidemiological ecology in megalopolises has become especially relevant, where a qualitatively new environment of dynamic equilibrium of the dynamic diversity of carriers and distributors of viruses and bacteria has been formed. The situation resembles the corridors of migration of epidemics to Europe created by the Great Silk Road. In this context, a new model of priority innovation ecosystems related to biotechnology is being formed in the structure of the world economy.

Список литературы

1. Акимова Т.А. Экология. Природа – Человек – Техника. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 343 с.
2. Данилов-Данильян В.И. Экосистема — одно из важнейших фундаментальных понятий современной науки // *Экосистемы: экология и динамика*. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 5–9.
3. Данилов-Данильян В.И. Об устойчивости экосистем // *Экосистемы: экология и динамика*. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 5–12.
4. Лойко А.И. Козэволюционная этика нового века // *Мир технологий*. – 2004. – № 1. – С. 22–27.
5. Лось В.А. Динамика современной системы экологического знания: между «биологизмом», «социологизмом» и «глобализмом» // *Философская мысль*. – 2014. – № 2. – С. 1–36.
6. Маккензи Р. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // *Вопросы социальной теории*. – 2008. – Т. II. – Вып. 1. – С. 232–246.

References

1. Akimova T.A. Ecology. *Nature-Man-Technique*. Moscow: UNITI-DANA, 2001. 343 p.
2. Danilov-Danilyan V.I. Ecosystem is one of the most important fundamental concepts of modern science. *Ecosystems: ecology and dynamics*. 2017. Vol. 1. No. 1. P. 5–9.
3. Danilov-Danilyan V.I. On the sustainability of ecosystems. *Ecosystems: ecology and dynamics*. 2018. Vol. 2. No. 1. P. 5–12.
4. Loiko A.I. Co-evolutionary ethics of the new century. *World of technologies*. 2004. No. 1. P. 22–27.
5. Los V.A. Dynamics of the modern system of ecological knowledge: between «biologism», «sociologism» and «globalism». *Philosophical Thought*. 2014. No. 2. P. 1–36.
6. Mackenzie R. Ecological approach to the study of the human community. *Issues of social theory*. 2008. Vol. II. Issue 1. P. 232–246.

Информация об авторе

Александр Иванович Лойко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета. Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь. **E-mail:** alexander.loiko@tut.by

Information about the author

Alexander I. Loiko, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the De-partment of Philosophical Teachings of the Belarusian National Technical University. Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** alexander.loiko@tut.by

О НОВОМ ОБРАЗЕ МИРОЗДАНИЯ В ЭПОХУ ПОСТНЕКЛАССИКИ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© А.П. Федяев

Казанский государственный институт культуры, Казань, Россия

Поступила в редакцию 23.12.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Федяев А.П. О новом образе мироздания в эпоху постнеклассики: мифологический аспект // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 57–64. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.8>

Аннотация. Проанализированы неизвестные науке процессы, предшествующие появлению физической Вселенной. Разработана новая мифологема мироздания, символом которой является «вечно порхающая бабочка». Раскрыта парадигма трансформации мироздания. Выявлено сходство позиций древних мифологов и синергетической картины мира. Показано, что энергия ян-инь и пяти первоэлементов является механизмом изменений мироздания. Классифицирована ритмика Бытия, проанализирована роль человечества в функционировании Вселенной. Представлена «энергетическая» модель бытия. Доказывается, что пространство Вселенной имеет кристаллическую структуру.

Ключевые слова: восточная философия; энергия стихий; свобода воли; номогенез; метатеория; эндифизика пространства.

ABOUT THE NEW IMAGE OF THE UNIVERSE IN THE POSTNONCLASSICAL ERA: THE MYTHOLOGICAL ASPECT

© A.P. Fedyaev

Kazan State Institute of Culture and Arts, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Original article submitted 23.12.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Fedyaev A.P. About the new image of the universe in the postnonclassical era: the mythological aspect. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):57–64. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.8>

Abstract. Processes unknown to science that precede the appearance of the physical Universe were analyzed. A new mythology of the universe has been developed, the symbol of which is the «forever bursting butterfly.» The paradigm of the transformation of the universe is revealed. The similarity of the positions of ancient mythologists and the synergistic picture of the world has been revealed. It has been shown that the energy of yang-yin and five primary elements is the mechanism of changes in the universe. The rhythm of Genesis is classified, the role of humanity in the functioning of the universe is analyzed. The «energy» model of being is presented. It is proved that the space of the Universe has a crystalline structure.

Keywords: eastern philosophy; energy of elements; free will; nomogenesis; metatheory; endophysics of space.

«Что там, за ветхой занавеской Тьмы?
В гаданиях запутались умы
Когда же с треском лопнет занавеска
Увидим все, как ошибались мы»
О. Хайям

Модель мироздания (куда, на наш взгляд, входит как Бытие, так и Небытие) всегда имела мировоззренческое и практическое значение, так как позволяла оценивать свое место и роль в структуре Вселенной, понимать смысл жизни, сущность Добра и Зла, Гармонии и Красоты, направленность исторического процесса. Так, к примеру, аристотелевско-птолемеевская модель Космоса (наряду с традиционными китайскими представлениями о Тайцзи — Великом Пределе, индийской мандале и т. д.) во многом определяла ментальность, быт, культуру и поведение народов мира вплоть до современности. Но уже в XXI веке человечество столкнулось со множеством противоречивых моделей (физических, космологических, религиозных и др.), по-разному ориентирующих человека в окружающем мире и часто приводящих к столкновению его интересов. К примеру, самая известная сегодня космологическая модель Вселенной (т.н. концепция «Большого взрыва») описывает не бесконечное Бытие в его вечной связи с Небытием, а лишь локальную часть Космоса, возникшую в конкретный момент времени и пространства из Ничто (около 13 млрд. лет назад), в виде расширяющегося шара (в котором находятся 100 млрд. галактик со 100 млрд. звезд в каждой). При этом ученые не представляют, что было до момента Взрыва, что будет когда Вселенная погибнет, что находится за пределами шара? что собой представляют т.н. «темная материя» и «темная энергия» (где сосредоточено около 95% массы Вселенной)? в чем состоит смысл мироздания и какова роль человечества в этом процессе?

Постнеклассическая наука установила, что физическая реальность — это сгустки какой-то энергии, она стохастична, фрактальна, нелинейна, неопределенна, в ней Хаос играет также позитивную роль, будущее существует уже сейчас, а любая флуктуация может изменить ход глобальных процессов [1]. Однако, в мироздании, вероятно, имеются и другие неизвестные науке свойства. Поэтому необходимо разрабатывать новую универсальную модель мира в контексте синергетики, тем более, что положения последней схожи с позициями сторонников Вед и даоссов, а само синергетическое видение мира еще не нашло должного отражения в гуманитарных науках. Но каким требованиям должна соответствовать такая модель? Видимо, ее основой выступит миф, т. е. высшая форма знания, по Платону. Это обусловлено тем, что: 1) мифы возникли раньше всех других форм общественного сознания (религии, науки и др.) и до сих пор продолжают на них воздействовать в виде «неявного знания»; 2) они нацелены на человека, а не его «внешний мир», не на получение быстро устаревающего знания, а на более глубокое понимание сути вещей; 3) мифы всегда символичны и раскрывают тайны Небытия; 4) они способны к саморазвитию и на их основе могут появляться новые мифы и символы [2].

Возьмем, к примеру, древнекитайскую легенду о философе Чжуан-цзы (III в. до н. э.). Однажды во время прогулки по берегу реки он прилег отдохнуть на цветущий луг. Ему приснилось, что на самом деле он не Чжуан-цзы,

а маленькая бабочка, весело порхающая среди цветов и наблюдающая сверху за спящим философом. Проснувшись, он так и не смог до конца понять: то ли он бабочка, которой снится, что она есть Чжуан-цзы, то ли он человек, которому снилось, что он бабочка? Но где на самом деле есть границы «истинной бабочки» — в виде ее отдельных кокона, гусеницы, яиц, самой бабочки или их совместной комбинации с Чжуан цзы? Все это заставляет задуматься о возможной неоднозначности и непроявленности физической Вселенной. Поэтому целью данной работы будет выяснение причин, механизмов, этапов и границ возможной трансформации мироздания на фоне вечного «вытекания» физических феноменов из недр Небытия в Бытие и их обратным «втеканием» в Небытие (что ставит проблему параллельного существования «небытия», «предбытия», «бытия» и «послебытия» мироздания в целом). На этом основании выдвигаются гипотезы исследования: 1) древние мифы имеют эпистемологическое значение и в наши дни; 2) образ мироздания подобен образу «порхающей бабочки» и в нем сокрыта четырехступенчатая парадигма его «расширенного» бытия; 3) человечество — это особая резонансная точка мироздания как открытой диссипативной системы.

Теоретической основой исследования выступают положения синергетики, концепции Плотина о Едином, А. Шопенгауэра о мире как продукте воли и представлений, П. Фейерабенда об эпистемологической ценности внеучного знания, принцип фаллибилизма, механизм «опредмечивания-распредмечивания» (показавший, что материя и дух могут взаимопроникать). В работе использовались следующие методы исследования: воображения, экстраполяции, компаративного анализа и синтеза, метод «конструирования реальности» Бергера-Лукмана и т. д. Предметом исследования являются теоретические схемы космологических текстов Индии (Ригведа, X часть), Египта (мемфисский, фиванский и др. мифы), Китая («Дао-дэ-цзин»), Израиля (Ветхий Завет), Ирана (Авеста), Греции («Теогония» Гесиода) и т. д. [3]. Установлено, что древние культуры Востока — китайская Дао, индийская Ом и греческая Логос и др. имеют общие тренды становления и развития [4]. А поскольку все они возникают в различных регионах Земли, но приходят к одинаковым выводам, то, видимо, древним мыслителям действительно удалось открыть некие общие тайные механизмы и структуры Вселенной.

Мифология этих стран рассматривает мироздание как целостный живой организм (имеющий Ум, Душу и Тело) с общими энергетическими, числовыми и геометрическими свойствами, где Дао (Логос, Ом) разворачивает в пространстве природную и социально-духовную реальность. Это мироздание возникает из Хаоса и в нем же растворяется спустя миллионы, миллиарды земных лет. Большинство древних цивилизаций видели мироздание в форме шара, имеющего сложное устройство. Так, например, по мнению древних вавилонян, Вселенная имеет форму шара, окружена небесным валом, плавает в бескрайнем небесном океане; в структуру же самой Вселенной входили три уровня небес, плоская земля, два уровня подземных царств и более глубокое «царство мертвых»; и все это было окружено земным океаном (3, с. 20, 312). Но были и исключения, когда мирозданию придавалась пирамидальная форма. Так, например, пирамида сына Хеопса Джедефра называлась «звездный шатер», что символически выражало представление египтян о форме Вселенной

и Бенбене — изначально холме, возникшем из водного хаоса в момент сотворения мира.

Субстратную основу мира составляют пять первоэлементов — земля, вода, огонь, воздух и эфир (кит. — «дерево»). Эти бесструктурные идеальные единицы (самоподобные на всех уровнях Бытия) в пифагорейской традиции (Платон, «Тимей») получили геометрически-количественное выражение: «земля» имеет форму куба (8 вершин), «огонь» — четырехгранной пирамиды (4 вершины), «вода» — октаэдра (6 вершин), «воздух» — икосаэдра (12 вершин) и «эфир» — додекаэдра (20 вершин). Эти стихии играли огромную роль в жизни древних народов. Так например, египтяне, ацтеки, майя и др. полагали, что периодическое возрастание энергии стихий из-за нарушения гармонии Вселенной может привести к гибели всего живого на земле и возникновению голода, потопов, ураганов, огненных катастроф и т. д. Поэтому эти народы уделяли особое внимание астрономии и наблюдению за движением небесных светил. Центральную роль в процессе возникновения и функционирования мироздания играет понятие «Истина» (Закон, Путь, Знание) — египетское Маат, шумерское «Ме», санскритское «Рита», китайское «Дао», иранское «Арта» и др. Это универсальное понятие выражает духовную основу мира, его идеальный план возникновения из Ничто, наличие особых качеств (Добро, Свет, Красота и т. д.), а также все мысли, желания и поступки людей, направленные на реализацию такого плана.

Порядок во Вселенной автоматически поддерживается с помощью трех взаимосвязанных процессов — движения, изменения и устойчивости (формы), причем второй процесс лишь обеспечивает связь остальных двух [5]. Весь Космос пронизан сверхтонкой энергией (ци, прана, дух святой), идущей от точки Альфа (синоним Всего) и до точки Омега (Ничто) двумя противодействующими потоками спиралевидной формы — сужающимися от плюс бесконечности к нулю и расширяющимися от нуля к бесконечности (ср. древнекитайский символ энергии ян-инь, обозначенный двумя плывущими в разные стороны рыбками — белой и черной). Эти потоки дополняются зигзагообразными потоками энергии пяти стихий (имеющими вид пентаграммы, вписанной в окружность). В даосской традиции это выглядит так: усиление энергии эфира («дерева») одновременно подавляет энергию воды, зарождает энергию «огня», придает форму воздуху (т. е. пространству) или «металлу» и уничтожает энергию «земли». И, соответственно, динамика других стихий в определенном порядке также влияет на динамику остальных [6]. Любой человек также может выступать силой, способной своими желаниями, мыслями и поступками изменить «энергобаланс» мира. Так, например, легенда о Будде гласит, что его ученики во время медитации силой своих мыслеформ вызвали бесконтрольный рост энергии первостихий, что привело к природным катастрофам — тайфунам, лесным пожарам, наводнениям и т. д. А другой древнегреческий миф о Сфинксе (образ вечного времени, фантастического существа с телом льва и головой человека, пожирающего людей за незнание тайн Природы) гласит, что тот покончил с собой, бросившись вниз со скалы, когда один человек по имени Эдип смог разгадать неразрешимую прежде загадку Бытия.

Древние народы (в частности, зороастризм) выделяют следующие этапы мироздания: творение (вначале в идеальном, а затем в материальном виде);

смешение всех полярных качеств (тьмы и света, добра и зла и др.); и разделение (это время существования современной цивилизации, в конце которой добро, свет и истина окончательно отделятся усилиями людей от зла, тьмы и лжи). На наш взгляд, в этой схеме не хватает еще одного, самого важного этапа, т. е. субъектно-смыслового. В этом случае мир будет выглядеть не бездушной материей, а Абсолютом, ставящим на сцене бытия по своему усмотрению трагедию, либо комедию, и остающимся их главным зрителем и оценщиком, воспринимая все происходящее через чувственно-рациональную деятельность бесчисленных поколений людей (А. Шопенгауэр).

На основании вышесказанного можно сформулировать новую (более универсальную) мифологию. Начальным и одновременно завершающим этапом мироздания является Хаос (греч. — Бездна) или Нирвана (санскр. — Угасание), называемая «Ночь Брахмы». Это не просто Ничто, а Нечто, находящееся «во мгле», на стыке Света и Тьмы, жизни и смерти, субъективного и объективного, которое может быть и «Всем» и «Ничем», бытие которого, по индийской мифологии, составляет сотни триллионов земных лет. (Н. Рерих называет эту реальность «Мула — Пракрити», из которой происходят в дальнейшем все виды космической материи и энергии). В этом Нечто (Чистом Разуме) можно выделить три состояния. Первое называется Нирвана — оценка результатов предыдущего творения, удовлетворенность, гармония Ума, абсолютная свобода и медленное угасание «Я» вследствие реализованных желаний. Второе — удовлетворенность сменяется апатией, утратой желаний и воли к действию, что ведет к появлению Хаоса. И только на третьем, ренессансном, этапе в нем вновь возникают «желания — первые семени мысли»: «вожделение — внизу, усилия — вверх» (Ригведа. X. 129. 1–7). И этот потенциальный дух вновь начинает осознавать себя, стремится актуализироваться, опредметиться, добиться полноты бытия и на практике оценить его самооценку¹.

Этап Творения начинается самоидентификацией и появлением из недр Хаоса «Я» или Божественной Премудрости. Она возникает «прежде библейской бездны, безвидной земли и неба, начальных пылинок Вселенной», и выступает источником всех видов космической энергии и формообразующим принципом» (Притч. 8: 22–31). Премудрость в дальнейшем воспрепятствовала «падению первозданного отца мира в Ничто и спасла его от братоубийственной ярости» (Прем. 10: 1–3). Образ этой космической реальности имеет женственную природу (любовь, терпение, сострадание и т. д.) и постоянно присутствует в истории человечества под разными именами — богиня Правды Маат (Египет), госпожа Философия (Бозций), Арта (зороастризм), Аврора (Я. Беме), Святая София (Вл. Соловьев), Душа Мира и многие другие.

В процессе дальнейшей самоидентификации желаний и появления воли потенциальный дух осознает в себе Все и Ничто, что ведет к появлению двух идеальных планов космогенеза — Афродиты Урании (Небесной) и Афродиты Пандемос (простонародной, материализованной). Первый план несет в себе принцип «ян» — Эрос (активность, разум, добро, свет, творчество,

¹ По Аристотелю, энергия (греч. действие) возникает в момент перехода из потенциального в актуализированное состояние.

Гармонию, жизнь) с появлением энергии стихий «воздуха» и «эфира» (библейское — Небо), а второй — несет в себе принцип «инь» — Танатос (покой, гибель, иррациональное, тьма, смерть), определяемый более «тяжелыми» энергиями стихий «земли» и «воды» (библейское — Хаос, Бездна, Море)¹. Об этом в Библии сказано так: «в начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт.1:1).

Отметим, что такое «предбытие» (меон), напоминающее современную «темную материю» и «энергию», находится вне границ «добра» и «зла», т. к. оно лишено свободы выбора. Если версия Афродиты Урании — активна, разумна, светла, истинна, прекрасна и созидательна, то другая концепция, наоборот, носит бессознательно-инстинктивный характер, базируется на лжи, разрушительна, темна и способствует безобразному и злumu. Вторая концепция не имеет онтологических оснований и является лишь «зеркально-перевернутым» отражением первой, но в дальнейшем, на уровне человека и его свободного выбора она актуализируется, объективируется и опредмечивается, приобретая вторичный онтологический статус. В Авесте сказано, что «...есть два первичных духа, близнецы, славящиеся своей противоположностью. В мысли, в слове и в действии — они оба, добрый и злой. Когда эти два духа схватились впервые, то они создали бытие и небытие» [7]. Но воплощение в жизнь этих двух планов будущего мироустройства потребовало появления особого механизма их реализации — преобразующей энергии «огня», способной обеспечить взаимосвязь процессов опредмечивания духа и субъективации материи. (Примером этой энергии выступает система идеальных понятий, которая одновременно отражает структуру материальной реальности, но может нести в себе духовное содержание). В итоге использования такой силы возникли физическая Вселенная, история и человек. Об этом в 42-й главе «Дао-дэ-цзин» сказано так: «Дао (Нирвана — авт.) рождает одно (Душу Мира — авт.), одно рождает два (сценарии Афродиты Урании и Афродиты Пандемос — авт.), два рождает три (энергию «огня» — авт.), а три (духовное, идеальное и материальное начала мира — авт.) рождает все существа». В настоящее время человечество живет в конце второго этапа — этапа смешения — а в будущем наступит этап разделения, когда добро и зло усилиями самих людей окончательно отделятся друг от друга, а само человечество преобразится.

В ходе метатеоретического анализа древних мифологем были выявлены новые характеристики образа мироздания:

- Хаос, то есть Нечто, субъективно воспринимается нами как Ничто, т. к. его реальность непосредственно не соприкасается с физической реальностью;
- Вселенная не шарообразна, т. к. иллюзия этого вызывается «антропоцентризмом нашего разума»;
- Мироздание имеет форму бесконечной «ленты Мебиуса», где начало — конец, внешнее — внутреннее, причина — следствие, форма — содержание, жизнь-смерть, материя-дух плавно переходят друг в друга, а сам

¹ Аврелий Августин («Исповедь», гл. VI) предположил, что первоэлементы (стихии) — это «нечто», соединяющее «ничто» и «что-то» уже существующее и обеспечивающее переход от одной «формы» к другой.

мир всегда умирает, но возрождается в новом облике, пройдя через очистительные структуры Небытия;

- Мироздание развивается в рамках парадигмы (потенциальное — актуализированное — объективизированное — опредмеченное) и представляет собой Нечто, запутавшееся в лабиринте своих бесчисленных манифестаций и стремящееся найти выход из него с помощью человека. В этой связи тезис о троичности Бога теряет свой антропоморфизм и выглядит так: Бог–Отец (т. е. дух потенциально-бесконечный, несводимый к единичной Вселенной), Мировая Женственность (т. е. дух актуализированно — объективированный, рождающий Вселенную) и Бог–Сын (т. е. опредмеченный дух);
- Вселенные, возникающие вместе со своими антиподами в недрах Хаоса, отличаются стадийно и энергетически импульсивно, и движимы своей Душой Мира;
- Если физическая энергия есть динамическая мера движения мироздания, то духовно-смысловая энергия — это динамическая мера изменения его формы;
- Пространство Вселенной имеет невидимую кристаллическую структуру, состоящую из правильных многогранников — куба, четырехгранной пирамиды, октаэдра, икосаэдра и додекаэдра;
- Через вершины этих многогранников текут потоки энергии, соединяющие Вселенную с ее духовной основой: физические («земля — вода»), идеальные («воздух — огонь»), духовные («эфир»);
- Однородные идеальные кристаллы без центра симметрии являются аналогом полупроводников или пьезоэлементов («пьезо» — греч. давление). Так, энергия мыслей, чувств и желаний людей давит на «соответствующие» кристаллы, передавая через их колебания информацию о себе во все уровни Бытия. А под действием энергопотоков Вселенной эти же кристаллы создают энергополя, бессознательно воздействующие на человечество (например, законы Природы, творчество Муз, «пассионарные» толчки Л.Н. Гумилева и т. д.);
- Цель мироздания состоит в его самопознании и самотрансформации. После окончания очередной «юги Брахмы» и победы материальных или духовных ценностей, параметры следующей модели Вселенной смещаются в пользу победившей стороны. После завершения «века Брахмы» (и победы либо «ян», либо «инь») ян-инь меняются местами, а прежние представления о добре, красоте и гармонии приобретают противоположный смысл. Окончательное совпадение субъективного образа мироздания с «первореальностью» ведет к завершению «Дня Брахмы» и «великому растворению мира», т. е. новой «Ночи Брахмы»;
- Хаос — это источник всех культурно-смысловых представлений человечества. Воспринимаемая субъективно в различных аспектах эта «первореальность» предстает либо в ужасных «хтонических» образах, либо в виде идеальных архетипов, либо высших духовных ценностей (Красота, Гармония и т. д.).

Список литературы

1. Философия современного естествознания / Под общ. ред. С.А. Лебедева. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. – С. 43–45.
2. Забияко А.П. Мифогенез и антропогенез // Вопросы философии. – М., 2021. – № 3. – С. 57–60.
3. Овчинникова А.Г. Легенды и мифы Древнего Востока. – СПб.: Литера, 2002. – 512 с.
4. Лукьянов А.Е. Истоки дао: древнекитайский миф. – М. : ИНСАН, 1992. – С. 3–4.
5. Махариши Махеш Йоги. О Бхагават-гите / Нов. пер. и комм. с текстом на санскр. Глава 1–6. – СПб., 1996. – С. 90–93.
6. Философский энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Наука, 1987. – С. 29.
7. Цит. по книге: Бойс Мэри. Зороастрийцы: верования и обычаи. – М.: Наука, 1987. – С. 29.

References

1. Philosophy of modern natural science. Ed. ed. S.A. Lebedev. Moscow: FAIR-PRESS, 2004. P. 43–45.
2. Zabayako A.P. Mythogenesis and Anthropogenesis. *Questions of Philosophy*. Moscow, 2021. No. 3. P. 57–60.
3. Ovchinnikova A.G. Legends and myths of the Ancient East. St. Petersburg: Litera, 2002. 512 p.
4. Lukyanov A.E. The origins of the Tao: an ancient Chinese myth. Moscow: INSAN, 1992. P. 3–4.
5. Maharishi Mahesh Yogi. On the Bhagavad Gita / Nov. per. and comm. with text in Sanskrit. Chapter 1–6. St. Petersburg, 1996. P. 90–93.
6. Philosophical encyclopedic dictionary. Ed. A.A. Ivina. Moscow: Nauka, 1987. P. 29.
7. Quoted. Based on the book: Mary Boyce. Zoroastrians: beliefs and customs. Moscow: Nauka, 1987. P. 29.

Информация об авторе

Александр Петрович Федяев, доктор философских наук, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения Казанского Государственного института культуры. Казанский государственный институт культуры, Казань, Республика Татарстан, Россия. **E-mail:** Fedyaeva.Rimma@mail.ru

Information about the author

Alexander P. Fedyaev, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Kazan State Institute of Culture and Arts. Kazan State Institute of Culture and Arts, Republic of Tatarstan, Russian Federation. **E-mail:** zavaspirantura_kazgik@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРМАНЕНТНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

© **Т.В. Филатов**

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Самара, Россия

Поступила в редакцию 03.11.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Филатов Т.В. К вопросу о перманентной творческой эволюции Людвиг Витгенштейна // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 65–70. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.9>

Аннотация. В работе прослеживается творческая эволюция Витгенштейна в направлении от «Логико-философского трактата», интерпретируемого нами в качестве финитной теории, претендующей на завершение философии, к «Философским исследованиям» с их концепцией «языковых игр», которым присуща принципиальная трансфинитность. Указывается, что Витгенштейн в своем творчестве преодолевает временные рамки эпохи модерна, эволюционируя в направлении постмодерна.

Ключевые слова: «Логико-философский трактат»; «Философские исследования»; атомарные суждения опыта; языковые игры; модерн; постмодерн.

TO THE QUESTION OF THE PERMANENT CREATIVE EVOLUTION OF LUDWIG WITTGENSTEIN

© **T.V. Filatov**

Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian
Federation

Original article submitted 03.11.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Filatov T.V. To the question of the permanent creative evolution of Ludwig Wittgenstein. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022; 4(1):65–70. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.9>

Abstract. The paper traces the creative evolution of Wittgenstein in the direction from the «Tractatus Logico-Philosophicus», interpreted by us as a finite theory that claims to complete philosophy, to «Philosophical Investigations» with their concept of «language games», which are characterized by fundamental transfiniteness. It is indicated that Wittgenstein in his work overcomes the time frame of the modern era, evolving in the direction of postmodernism.

Keywords: «Tractatus Logico-Philosophicus»; «Philosophical Investigations»; atomic judgments of experience; language games; modern; postmodern.

Цель настоящего исследования дуальна: во-первых, телеологическая — рассмотрение вопроса о смысле научной деятельности; во-вторых, историческая — обоснование тезиса об уникальности творческого пути Людвиг Витгенштейна в контексте истории нововременной философии.

Относительно первого вопроса можно указать на два варианта его решения. Можно утверждать, что целью научной деятельности является построение некой окончательной теории, посредством которой будет дано объяснение всей совокупности феноменов, исследуемых в рамках данной научной дисциплины, а в идеале — всей области познания, потенциально доступной для человечества. Последнее допущение выводит нас на известную дилемму «редукционизм — антиредукционизм» [7, с. 5], что, однако, в нашу эпоху глобальной научной специализации, когда мирно сосуществуют десятки тысяч отдельных дисциплин, не представляется принципиально важным, поскольку окончательное завершение исследований хотя бы в одной локальной области делает весьма проблематичным перевод высвободившегося интеллектуального потенциала в соседнюю область, где исследования еще продолжаются. Назовем подобный вариант решения телеологического вопроса о смысле научной деятельности *классическим*.

Второй вариант решения обозначенного выше вопроса строится на представлении о том, что построение какой-либо окончательной теории заведомо невозможно; в мягком варианте — применительно к системе научного познания в целом, в жестком — даже применительно к какой-либо локальной области исследования. То есть всякая теоретическая система в науке, а возможно и за ее пределами, заведомо имеет не окончательный, а промежуточный характер. Обозначим данный вариант решения телеологического вопроса как *постмодернистский*.

Нетрудно заметить, что явственная ориентация на первый из обозначенных выше вариантов характерна для неопозитивизма с его программой «преодоления метафизики» [4], тогда как ориентация на второй вариант явственно ощущается в рамках постпозитивизма, причем, практически у всех его крупнейших представителей, будь то фальсификационизм и особенно фаллибилизм К.Р. Поппера [9], концепция научных революций Т. Куна [5] или «эпистемологический анархизм» П. Фейерабенда [12], не говоря уже о современной эволюционной эпистемологии [11].

Здесь следует указать, что допущение возможности построения окончательных теоретических систем имеет своим негативным следствием тезис об исторической конечности науки, а в перспективе и человеческого познания вообще. Именно поэтому Гегель, который был убежден в финитности построенной им философской системы, склонялся к тезису о конце истории человечества [10], которой завершается процесс самопознания Мирового Духа. С другой стороны, отрицание возможности построения окончательных теоретических систем лишает научную деятельность всякого конечного смысла, превращая ее в тавтологию: мы познаем, чтобы познавать, аналогично тому как мы живем, чтобы жить. Но жизнь рано или поздно завершается смертью, потому жизнь ради жизни бессмысленна. Аналогично обстоит дело и с познанием ради познания, которое рано или поздно прекратится вследствие конечности бытия человечества, завершившись, тем самым, ничем. Как отмечал по этому поводу

А.Н. Чанышев: «Человек приходит из небытия и уходит в небытие, так ничего и не поняв» [13].

Обратимся теперь к специфике творческой эволюции Л. Витгенштейна. Философа с большой степенью вероятности можно отнести к авторам одной книги, поскольку прижизненная его известность объяснялась публикацией сравнительно небольшого по объему «Логико-философского трактата» [1], тогда как вторая знаковая работа мыслителя — «Философские исследования» [2] — увидела свет лишь после смерти автора.

Мы выдвигаем допущение, что «Трактат» представляет собой классическое финитное теоретическое построение, в рамках которого при помощи средств символической логики строится стройная аксиоматическая теория, претендующая на то, чтобы завершить собой философию. Согласно «Трактату» основу научных знаний составляют теоретически нейтральные атомарные суждения опыта, именуемые в «Трактате» элементарными предложениями [1, с. 29]. Логика и математика как логический метод [1, с. 64] есть основные средства их систематизации, а научная работа, как таковая, сводится к приведению эмпирического содержания, выражаемого данными предложениями, в логически целостную систему. С другой стороны, существуют сегменты познавательной деятельности, лишённые всякого эмпирического содержания, например, этика [1, с. 70] или теология [1, с. 71]. Последнее превращает соответственные познавательные структуры в бессодержательные и, следовательно, в бессмысленные.

Что, однако, в этой связи мы можем сказать о философии? Здесь возникает знаменитая «лестница Витгенштейна» [1, с. 72–73]. Единственные осмысленные познавательные высказывания — это научные. Уяснение данного обстоятельства поднимает нас на новый уровень понимания, что делает «Трактат» подобным лестнице, которую можно отбросить за ненадобностью, когда данный уровень достигнут. А вместе с этим и всю философию как полностью завершённую, потому что «Трактат» — это ее последнее слово.

Таким образом, Витгенштейн структурирует финитную философскую теорию, но в свойственном позитивистам негативном по отношению к метафизике ключе, поскольку означенная теория, по сути дела, упраздняет философию за ненадобностью, оставляя на интеллектуальном поле только одного «игрока» — науку. Как свидетельствует исторический триумф неевклидовых геометрий, аксиоматические финитные теории, будучи правильно построенными, имеют только одно уязвимое место, своеобразную «ахиллесову пята». Это система постулатов, статус которых у самого Евклида сугубо конвенционален. Впоследствии Декарт попытался изменить его в сторону усиления, указав на простоту и интуитивную ясность как критерии истинности подобных положений. Последним, однако, не удовлетворял пятый постулат, замещение которого на альтернативные положения приводит нас к неевклидовым геометриям. Аналогично и с «Логико-философским трактатом», слабое место которого — представление о теоретически нейтральных атомарных суждениях опыта.

Постпозитивисты, начиная с Поппера, много сделали для того, чтобы доказать фантомность подобных суждений, по сути дела, представляющих собой концептуальный аналог «философского камня» средневековых алхимиков.

По-видимому, последнее обстоятельство на каком-то этапе уяснил для себя и сам Витгенштейн, на определенном этапе своей творческой эволюции резко поменявший вектор движения на противоположный.

Если присмотреться к биографиям великих мыслителей, то весьма редко в их среде обнаруживается нечто подобное. Как правило, гений — это однодум, способный, как Дарвин, десятилетиями дорабатывать свою теорию, пытаясь придать ей высшую степень совершенства. В крайнем случае, на каком-то этапе жизни он сходит с дистанции, передавая эстафету своим ученикам. Наконец, он просто может поменять сферу деятельности, как Артур Рембо, ушедший из поэзии в торговлю, или академик А.Д. Сахаров, увлечение которого наукой по ходу жизни уступило место увлечению политикой.

Витгенштейн осуществляет принципиально иное: он отказывается от основных положений своего «Трактата», выстраивая на протяжении оставшейся части своей жизни концепцию «языковых игр» [8, с. 24]. Последняя предполагает принципиальную сложность языка, который, с одной стороны, включает в себя совокупность конвенционально принятых правил, но, с другой стороны, данные правила перманентно трансформируются, так что, например, один и тот же термин в различных контекстах наполняется различным содержанием. При этом формируется поле альтернативных смыслов, столкновение которых приводит к появлению новых смыслов и т. д.

Если «Логико-философский трактат» предельно ясен и лаконичен, то «Философские исследования», в которых излагается концепция языковых игр, логически невняты, многословны, распадаются на фрагменты, внешне напоминающие черновые записи. Им присуща принципиальная незавершенность, как, впрочем, и самим языковым играм, которые могут продолжаться неопределенно долго. С учетом сказанного становится ясным, почему Витгенштейн не издал при жизни эту работу. Она принципиально не предполагала завершения.

Примечательно, что неопозитивизм, по большей части продолжавший стратегию «Логико-философского трактата», со всем своим корпусом идей давно уже стал достоянием истории, оставшись где-то позади, в эпохе *модерна*. Витгенштейн же, по сути дела, в одиночестве следовал не букве, а духу «Трактата», отбросив его как лестницу и продвинувшись далее посредством «Философских исследований» с их принципиальной незаконченностью. Тем самым он интуитивно последовал в направлении постижения следующего за модерном экзистенциального проекта *постмодерна*, технически обусловленного информатизацией общества [6] и технологиями искусственного интеллекта, т. е. процессами, которые только начинались в последние годы жизни философа.

Гегель определял философию как «время, постигнутое в мысли», что, в свою очередь, позволило ему определить философа как «сына своего времени» [3, с. 55]. На наш взгляд, Людвиг Витгенштейн представляет собой исключение из сформулированного Гегелем правила, поскольку он разрывает рамки своего времени и устремляется в будущее, осуществившееся для нас сегодня в качестве настоящего.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 1–73.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 75–319.
3. Гегель. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского государственного университета. Серия «Философия». – 1993. – № 6. – С. 11–26.
5. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
7. Микешина Л.А. Редукционизм как проблема философии науки и эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 37, № 3. – С. 5–13.
8. Нехаев А.В. «Стандартный лжец»: Витгенштейн, языковые игры и самореференция // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 56. – С. 23–32.
9. Поппер К.Р. Объективное знание: Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
10. Рапопорт Е.В. Проблема конца истории в свете гегелевской диалектики раба и господина // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2011. – №15(77). – С. 79–86.
11. Рузавин Г.И. Перспективы эволюционного подхода к эпистемологии науки // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 23, № 1. – С. 17–33.
12. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 413 с.
13. Чанышев А.Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – п. 45.

References

1. Wittgenstein L. Logico-Philosophical Treatise. *Philosophical Works*. Part I. Moscow: Gnosis, 1994. P. 1–73.
2. Wittgenstein L. Philosophical research. *Philosophical works*. Part I. Moscow: Gnosis, 1994. SP. 75–319.
3. Hegel. *Philosophy of law*. Moscow: Thought, 1990. 524 p.
4. Carnap R. Overcoming metaphysics by the logical analysis of language. *Bulletin of the Moscow State University. Series «Philosophy»*. 1993. No. 6. P. 11–26.
5. Kuhn T. *The structure of scientific revolutions*. Moscow: Progress, 1977. 300 p.
6. Lyotard J.-F. postmodern state. Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aleteyya, 1998. 160 p.
7. Mikeshina L.A. Reductionism as a problem of philosophy of science and epistemology. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2013. Vol. 37. No. 3. P. 5–13.
8. Nekhaev A.V. «Standard liar»: Wittgenstein, language games and self-reference. *Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political science*. 2020. No. 56. P. 23–32.
9. Popper K.R. Objective knowledge: An evolutionary approach. Moscow: Editorial URSS, 2002. 384 p.
10. Rapoport E.V. The problem of the end of history in the light of the Hegelian dialectic of slave and master. *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*. 2011. No. 15(77). P. 79–86.
11. Ruzavin G.I. Prospects for an evolutionary approach to the epistemology of science. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2010. Vol. 23. No. 1. P. 17–33.
12. Feyerabend P. Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge. Moscow: AST: AST Moscow: Guardian, 2007. 413p.
13. Chanyshv A.N. Treatise on non-existence. *Questions of Philosophy*. 1990. No. 10. p. 45.

Информация об авторе

Тимур Валентинович Филатов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», Самара, Россия. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru

Information about the author

Timur V. Filatov — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Volga State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian Federation. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru

НАУЧНЫЙ КАПИТАЛ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

© Ю.В. Буртовая

Самарский государственный технический университет», Самара, Россия

Поступила в редакцию 17.01.2022

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Буртовая Ю.В. Научный капитал в контексте гендерной проблематики // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.10>

Аннотация. В данной статье раскрывается влияние гендерного образа школьных научных дисциплин на выбор карьеры молодыми людьми. Статья направлена на анализ гендерного стереотипа школьных научных дисциплин среди учащихся женского и мужского пола и влияния гендерных научных стереотипов на карьерные устремления молодежи.

Ключевые слова: атрибуция; гендерно-научные стереотипы; гендерная сегрегация; «гендерность» профессии; самоидентификация.

SCIENTIFIC CAPITAL IN THE CONTEXT OF GENDER

© J.V. Burtovaya

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Original article submitted 17.01.2022

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Burtovaya J.V. Scientific capital in the context of gender. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):71–78. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.10>

Abstract. This article reveals the impact of the gender image of school science disciplines on career choices by young people. The article is aimed at analysing the gender stereotype of school science among female and male students and the influence of gender science stereotypes on the career aspirations of young people.

Keywords: attribution; gender-scientific stereotypes; gender segregation; «gender» of the profession; self-identification.

Проблематично оспорить тот факт, что такие предметы как математика или естественные науки, воспринимаются как мужские области (в том числе и из-за образа типичного ученого, которым обычно является мужчина средних лет). Однако влияние гендерного образа школьных научных дисциплин на выбор карьеры молодыми людьми до сих пор не исследовано. В статье мы попытаемся проанализировать данную ситуацию исходя из статистических опросов (школьников и обучающихся старших классов), полученных в Европе и касающихся таких предметов, как химия, математика и физика. Данные были получены в результате перекрестного исследования среди 1364 швейцарских учащихся средней школы, которые были близки к получению аттестата об окончании школы [1]. С помощью стандартизированного опроса были собраны данные о восприятии студентами маскулинности предметов научной школы с использованием семантических различий. Результаты показывают, что для мужчин и женщин математика имеет самую сильную атрибуцию мужественности, за ней следует физика (на втором месте) и, наконец, химия с самой низкой атрибуцией мужественности. Что касается гендерных различий, то результаты показали, что среди учащихся женского пола отнесение маскулинности к трем школьным предметам существенно не отличается, что означает, что учащиеся женского пола одинаково сильно оценивали все предметы как мужские. Однако в группе студентов мужского пола приписывание мужественности математике по сравнению с химией и физикой значительно отличается, в то время как приписывание мужественности химии и физике — нет. Результаты, представленные в исследовании, также свидетельствуют о том, что гендерно-научные стереотипы в отношении математики и естественных наук потенциально могут повлиять на стремление молодых женщин и мужчин поступить в университет по специальностям, связанным с наукой, технологией, инженерией и математикой, показывая, что менее выраженный мужской образ науки потенциально может повысить вероятность карьерных устремлений в вышеперечисленных областях.

Гендерная сегрегация в профессиональной ориентации подростков хорошо документирована на протяжении десятилетий в большинстве стран, о чем говорят регулярные отчеты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Сохранение «гендерных маршрутов» в более широком смысле слова конкретно обсуждалось на Всемирном Экономическом Форуме в 2017 году на докладе о глобальном гендерном разрыве, в котором говорится, что в среднем мужчины недопредставлены в областях образования, здравоохранения и социального обеспечения, в то время как женщины недопредставлены в областях физики, химии и технологии [2]. Кроме того, исходя из профессиональных устремлений 15-летних подростков, прогноз изменения гендерных различий в выборе профессии и учебы предполагает, что гендерная сегрегация на рынке образования и труда будет сохраняться. Сохранение горизонтальной гендерной сегрегации в образовательных и профессиональных областях способствует распространению гендерных стереотипов о естественном соответствии женщин карьере в более выразительных и ориентированных на человека областях, а мужчин — в технических и математических областях [3]. Гендерные стереотипы являются частью более широкой системы убеждений, которая включает в себя отношение к женским и мужским семейным ролям, женским и мужским профессиям, а также гендерное восприятие себя. Как

биполярные конструкции гендерные стереотипы подразумевают, что является мужским, не является женским, и наоборот. Теория социальных ролей предполагает, что гендерные роли и их исполнители очень заметны в повседневных контекстах, а также что гендерные стереотипы возникают в ответ на наблюдение за женщинами и мужчинами в различных социальных ролях и в ролевых мероприятиях, связанных с выбором профессии в том числе. Это теоретическое предположение было подтверждено в исследовании известного американского социолога Миллера, в котором анализировалось, как зачисление женщин на научные курсы связано со стереотипом гендерной науки. Основываясь на опросе около 350 000 участников в 66 странах исследователь пришел к выводу, что явные и неявные национальные гендерно-научные стереотипы были слабее в странах с более высоким уровнем охвата женщин высшим научным образованием. Это исследование также продемонстрировало, что стереотипы о науке сильно различаются по признаку пола, даже в странах с высоким общим гендерным равенством [4]. Кроме того, автором был проведен метаанализ двух основных международных баз данных: «Тенденции в изучении международной математики и естественных наук» («TIMMS») и «Программа международной оценки учащихся» (PISA). Анализ подтвердил, что гендерное равенство в образовании важно не только для достижений женского пола в математике, но и для уверенности женщин в себе и в собственных силах в математической области. Кроме того, подробный анализ данных показал, что гендерные различия в математике тесно связаны с культурными различиями в структурах возможностей для девочек и женщин. В частности, с гендерным равенством при зачислении в школу, долей женщин в исследовательских работах и представительством женщин в парламенте и других властных структурах. Соответственно, низкая доля женщин в науке приводит к распространению гендерного стереотипного представления о математике и естественных науках как о мужской области и убеждений о превосходстве мужчин в технических и математических областях. В свою очередь, такие убеждения влияют на выбор карьеры молодыми людьми, приводя к взаимному укреплению гендерных стереотипов и гендерных различий в интересах и выборе, связанных с карьерой. В Швеции гендерная сегрегация также сохраняется и особенно заметна в области естественных наук. По образовательным направлениям в университетах прикладных наук только 21,3% женщин обучались на курсах естественных наук в 2017–2018 учебном году. Самая низкая доля женщин приходится на области информатики (10,4%) и технологии (8,5%), в то время как в областях химии и наук о жизни доля женщин значительно выше (43,7%)¹. В среднем образовании гендерный фактор почти сбалансирован в химии и биологии (девочки 18,4% и мальчики 20,5%) в качестве предмета специализации, в то время как значительно больше мальчиков (18,4%), чем девочек (4,4%), решили специализироваться по предметам математика и физика. Схожая тенденция наблюдается и в России, о чем пишет О.А. Красняк: «Участие женщин в науке является важным индикатором гендерного равенства. Начиная с 1950-х гг., становление и развитие науки в Советском Союзе шло рука об

¹ Согласно данным Шведского Федерального статистического агентства на период 2019 года — FSO (2019a). Students of Applied Universities (Basis Table).

руку с возникновением научных институтов и изданием научных журналов. Тем не менее рост количества научных публикаций не был связан с увеличением участия женщин в их производстве. Наука в целом была представлена как сфера активности мужчин. Менее всего женщины представлены в математике (7%), физике (11%) и истории (15%). С другой стороны, психология (40%), биохимия (39%) и литература (28%) показывают стабильно высокий процент научных статей, подготовленных женщинами» [5]. Как мы видим, несмотря на то что в течение десятилетий процент публикаций за авторством женщин во всех научных областях неуклонно увеличивался, основные тенденции и специфика зависимости от научного направления сохранились. Таким образом, в целом слабая представленность женщин в академической науке в России не уникальна, а позитивные изменения происходят в русле глобальных изменений.

Кроме того, исследования гендерных стереотипов показали, что наука не только ассоциируется с мужчиной, но и ей приписываются мужские черты. Исследование, проведенное психологом и социологом Арчером показало, что, хотя маленькие дети не обладают глубокими знаниями о научных предметах, они с раннего возраста приписывают науке мужские черты [6]. В более современных исследованиях показывается, что уже во втором классе дети воспринимают математику как мужскую область, демонстрируя американский культурный стереотип [7]. Мы предполагаем, что для российской действительности тоже существуют стереотипы, связанные с «гендерностью» профессии. Так, например, архитектурный факультет СамГТУ представлен в большинстве случаев девушками, в то время как на факультете нефти и газа преобладают абитуриенты мужского пола. Если опираться на данные приемных комиссий, то математика, физика и химия имеют самую сильную коннотацию как мужские академические предметы (эта же тенденция видна в результатах ЕГЭ). Примечательно, что научные предметы не только оцениваются как мужские, но и ассоциируются с набором атрибутов, обычно связанных с мужественностью (трудность в освоении; требование к рациональности мышления, а не чувствам и т.д.). На данный момент у автора статьи нет персональной шкалы, с помощью которой можно было бы оценить «гендерность» профессии, потому что создание такого инструментария предполагает более глубокое изучение социальной проблематики (не говоря уже о закрытости информации, которую гарантируют протоколы и нормы бюджетных учреждений среднего и высшего образования).

Итак, зарубежные исследования гендерных научных стереотипов показали различия между молодежью женского и мужского пола в отношении принятия стереотипных представлений об ученых. Мы также отмечаем, что проведенные опросы среди учащихся начальной школы, показывают, что стереотипные представления о том, что школьные предметы STEM больше подходят для мальчиков, чем для девочек, были поддержаны чаще мальчиками, чем девочками. Более того, зарубежная традиция изучения научного капитала и гендерных предпочтений настаивает на том, что учащиеся с устойчивым стереотипным интересом к физике, математике и химии, чаще одобряли гендерные научные стереотипы. Следовательно, мальчики, увлеченные вышеназванными предметами (а также девочки, не обнаружившие у себя интерес к данным школьным

предметам), почти в ста процентах случаев соглашались с тем, что область точных и естественных наук более свойственна мужчине. Далее можно предположить, что опросы старшеклассников будет только подтверждать данную тенденцию, так как в старшей школе процент разочаровавшихся в точных предметах девочек только растет [8]. Если обратиться к исследованиям, проведенным среди студентов первого курса университета, то они обычно содержат информацию о том, что негативные стереотипы об инженерных и математических способностях женщин еще более распространены среди студентов мужского пола, в то время как студентки с большей вероятностью сообщали о более высоком восприятии своих инженерных способностей [9]. Таким образом, исследования среди молодежи подросткового возраста показали, что учащиеся женского пола демонстрируют более выраженный гендерный стереотип в отношении математики по сравнению со студентами мужского пола, которые с меньшей вероятностью демонстрируют неявные гендерные стереотипные ассоциации. В «копилку» данной точки зрения очень удачно ложится и то, что в большинстве случаев преподавателем физики является мужчина.

Влияние стереотипов гендерной науки на интерес студентов к точным наукам и их стремление продолжить карьеру в области этих наук рассматривалось с разных точек зрения. На основе модели ожидаемой стоимости Эклза и Вигфилда, в которой подчеркивается влияние культурных стереотипов и конструкторов, связанных с идентичностью, на выбор образования и профессии, ряд исследований показал, что академическая «я-концепция» и предметные интересы являются одними из наиболее важных детерминант при выборе студентами специальностей средней школы. Аналогичные механизмы, по-видимому, имеют решающее значение для выбора карьеры или выбора специальности в области высшего образования. Разноплановые исследования среди студенток увлеченных естественными науками показали, что гендерные стереотипы оказывают негативное влияние на самооценку студентов, даже среди студентов с хорошей успеваемостью. Согласно теоретическим основам американского социолога, профессора педагогической психологии в Делавэрском университете Линды Готтфредсон, профессиональные устремления включаются в индивидуальный образ себя, складывающийся в процессе социализации с раннего детства до подросткового возраста. Процесс развития профессиональных устремлений заключается в сравнении собственного образа с образом профессии и в суждении о соответствии между ними. В этом процессе гендерный образ деятельности особенно важен для ее выбора, поскольку «неправильный» половой тип профессии является более фундаментальным для «я-концепции», чем престиж профессии или индивидуальные интересы. При применении теории Готтфредсон в ряде исследований было подтверждено значительное влияние гендерного образа профессии на процесс выбора специальности [10]. Более того, исследования показывают, что девочки с большей вероятностью сузят свой профессиональный выбор, потому что они воспринимают определенные профессии как неподходящие для их пола. Соответственно, девочки, как правило, сильнее, чем мальчики, смещают свои профессиональные устремления в сторону типичных для мужчин профессиональных ожиданий. В то же время представления мальчиков о профессиях, по-видимому, более гендерно стереотипны. Таким

образом, исследования, посвященные сходству между человеком и социальным прототипом, могут показывать, что отсутствие сходства между персоналией и академическим предметом связано с дальнейшим выбором профессии у студента. Более того, воспринимаемая близость между «я» и школьным предметом вполне может быть прогностической для намерений молодежи в выборе карьеры. В российской действительности перспективным выглядит направление исследования учащихся девятых классов, в котором можно было бы обнаружить, влияет ли большее сходство между личностью и прототипом на интерес к тем или иным предметным курсам. Подобные исследования могли бы отталкиваться от той точки зрения, что девочки чаще индивидуализируют свое обучение, независимо от поставленных школой, лицеем или же колледжем целей. Аналогичным образом, тенденции, наблюдаемые среди студентов и преподавателей, показывают, что индивидуальные стремления связаны с успехом в науке больше, чем коллективные стремления, что чаще всего мешает женщинам заниматься научной карьерой [11]. Особенно на академические устремления женщин, которые решительно идентифицировали себя как ученые, повлиял гендерный стереотипный образ науки. В соответствии с этим исследование, проведенное среди студентов-инженеров-первокурсниц, показало, что инженерная идентификация является значимым предиктором настойчивости в инженерном деле и что эта взаимосвязь была сильнее у женщин, чем у мужчин. Наконец, вышеназванное исследование, проведенное среди студентов, показало, что более сильный гендерно-научный стереотип оказывает уменьшающее влияние на идентификацию с наукой и стремление к научной карьере среди женщин, в то время как среди мужчин более сильный гендерно-научный стереотип повышает их идентификацию с наукой и их карьерные устремления в научных областях.

Подводя промежуточный итог, мы можем констатировать, что гендерно-научные стереотипы, рассматриваемые в разных научных подходах, препятствуют самоидентификации молодых женщин с академическими предметами и областями знаний точных наук, а также негативно влияют на их я-концепцию и их предметные интересы. Это, в свою очередь, мешает студенткам выбрать специальность по естественным наукам и продолжать научную карьеру. Для студентов мужского пола гендерные научные стереотипы, по-видимому, оказывают противоположный эффект и, таким образом, повышают их карьерные устремления в точных науках [См. подр.: 12].

Список литературы

1. The STEM Gap: Women and Girls in Science, Technology, Engineering and Math. <https://www.aauw.org/resources/research/the-stem-gap/>
2. The Global Gender Gap Report 2017. <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2017>
3. Charles M., Bradley K. Indulging our gendered selves? Sex segregation by field of study in 44 countries // American Journal of Sociology. – № 114. – 2009. – P. 924–976.
4. Miller D.I., Eagly A.H., Linn M.C. Women's representation in science predicts national gender-science stereotypes: evidence from 66 nations // Journal of Educational Psychology. – 2015. – № 107. – P. 631–644.

5. Krasnyak O. Гендерная представленность в российских академических журналах. *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. – 15(4). – P. 617–628. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-617-628>
6. Archer J., MacRae M. Gender perceptions of school subjects among 10–11-years-old // *British Journal of Educational Psychology*. – 1991. – № 61. – P. 99–103.
7. Cvencek D., Meltzoff A.N., Greenwald A.G. Math–gender stereotypes in elementary school children // *Child Development*. – 2011. – № 82. – P. 766–779.
8. Hand S., Rice L., Greenlee E. Exploring teachers and students gender role bias and students confidence in STEM fields // *Social Psychology of Education*. – 2017. – № 20. – P. 929–945.
9. Jones B., Ruff C., Paretti M. The impact of engineering identification and stereotypes on undergraduate women's achievement and persistence in engineering // *Social Psychology of Education*. – 2013. – № 16. – P. 471–493.
10. Bubany S.T., Hansen J.I.C. Birth cohort change in the vocational interests of female and male college students // *J. Vocat. Behav.* – 2011. – № 78. – P. 59–67.
11. Ramsey L.R. Agentic traits are associated with success in science more than communal traits. *Personality and Individual Differences*. – 2017. – № 106. – P. 6–9.
12. Буртова Ю.В. Научный капитал в контексте формирования самооценки в научном сообществе // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия»*. – 2021. – №1 (55). – С. 44–51.

References

1. The STEM Gap: Women and Girls in Science, Technology, Engineering and Math. <https://www.aauw.org/resources/research/the-stem-gap/>
2. The Global Gender Gap Report 2017. <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2017>
3. Charles M., Bradley K. Indulging our gendered selves? Sex segregation by field of study in 44 countries. *American Journal of Sociology*. 2009. No. 114. P. 924–976.
4. Miller D.I., Eagly A.H., Linn M.C. Women's representation in science predicts national gender-science stereotypes: evidence from 66 nations. *Journal of Educational Psychology*. 2015. No. 107. P. 631–644.
5. Krasnyak O. Gender representation in Russian academic journals. *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 617–628. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-617-628>
6. Archer J., MacRae M. Gender perceptions of school subjects among 10–11-years-old. *British Journal of Educational Psychology*. 1991. No. 61. P. 99–103.
7. Cvencek D., Meltzoff A.N., Greenwald A.G. Math–gender stereotypes in elementary school children. *Child Development*. 2011. No. 82. P. 766–779.
8. Hand S., Rice L., Greenlee E. Exploring teachers and students gender role bias and students confidence in STEM fields. *Social Psychology of Education*. 2017. No. 20. P. 929–945.
9. Jones B., Ruff C., Paretti M. The impact of engineering identification and stereotypes on undergraduate women's achievement and persistence in engineering. *Social Psychology of Education*. 2013. No. 16. P. 471–493.
10. Bubany S.T., Hansen J.I.C. Birth cohort change in the vocational interests of female and male college students. *J. Vocat. behavior*. 2011. No. 78. P. 59–67.
11. Ramsey L. R. Agentic traits are associated with success in science more than communal traits. *Personality and Individual Differences*. 2017. No. 106. P. 6–9.
12. Буртова Ю.В. Scientific capital in the context of the formation of self-esteem in the scientific community. *Bulletin of the Tver State University. Series «Philosophy»*. 2021. No. 1 (55). P. 44–51.

Информация об авторе

Юлия Владимировна Буртовая, аспирантка кафедры философии и социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия.
E-mail: julia-08@inbox.ru

Information about the author

Jliya V. Burtovaya, PhD student of the Dept. of Social Sciences and Humanities, Samara State Technical
University, Samara, Russian Federation. **E-mail:** julia-08@inbox.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© И.А. Сорочайкин

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию 09.02.2022

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Сорочайкин И.А. Методологические проблемы развития философии в эпоху цифровой реальности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 79–83. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.11>

Аннотация. Работа посвящена осмыслению методологических проблем развития философии в современных социально-экономических условиях с учетом фактора формирования «цифровой философии» и «цифрового человека». На каждом этапе развития человека и общества совокупность методологических концепций философии познания изменялась с учетом среды, созданной предшественниками, и влияния на ее содержание не только философии, но и культуры общества. Только общая концепция философии познания в синтезе с составными частями традиционной гносеологической теории и современными эпистемологическими разработками способна разработать методологическую основу для эффективного освоения обществом достижений цифровой эпохи.

Ключевые слова: методология; эпистемология; философия; цифровая философия; цифровой человек; познание; знания.

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF PHILOSOPHY IN THE DIGITAL AGE

© I.A. Sorochaykin

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Original article submitted 09.02.2022

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Sorochaykin I.A. Methodological problems in the development of philosophy in the digital age. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):79–83. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.11>

Abstract. The work is dedicated to understanding methodological problems of philosophy development in modern socio-economic conditions considering the factor of “digital philosophy” and “homo digital” formation.

At each stage of human and social development, the set of methodological concepts of the cognition philosophy has been modified in the view of the environment, created by the predecessors, and the influence on its content not only of philosophy but also of the social culture. Only a general concept of the cognition philosophy in synthesis with the integral parts of traditional gnoseological theory and modern epistemological developments can develop a methodological basis for a society's effective exploitation of the digital age achievements.

Keywords: methodology; epistemology; philosophy; digital philosophy; homo digital; cognition; knowledge.

В мировом научном сообществе стремительно формируются новые научные течения — «цифровая философия» [см., например, 1–3], «новая философия экономики» [4, 5], которые, по мнению своих сторонников, радикально расширяют круг проблем, находящихся на стыке философии и других наук. С нашей точки зрения, есть необходимость в новых «объяснительных стратегиях» [Орехов, 2021] в философии, нужна «переконцептуализация подходов к пониманию природы и сущности» [Орехов, 2021] философских знаний. Но прежде чем радикально изменить старое миропонимание, необходимо вспомнить его основы и, в первую очередь, методологическую базу.

Современная наука слишком обширна для ее полного скрупулезного изучения одним исследователем. Именно поэтому каждый философ (индивид, изучающий философские науки) избирает для своего изучения и анализа отдельные научные теории и философские направления, определенные его предпочтениями и своеобразием базового образования. Соответственно, исследователи в процессе своей метанаучной рефлексии, как правило, вырабатывают принципиально отличающиеся друг от друга представления о науке, что и предопределяет факт существования в философии совокупности методологических концепций, дающих систематизированные и логически согласованные ответы на поставленные вопросы.

При этом необходимо отметить: на каждом этапе развития человека и общества совокупность методологических концепций познания философии изменяется. Данное обстоятельство акцентирует внимание ученых на фактор, непосредственно влияющий на методологическую концепцию, — предшествующие и сосуществующие одновременно с ней методологические представления. Каждая новая методологическая концепция возникает и развивается в среде, созданной предшественниками с учетом влияния на ее содержание не только философии, но и культуры общества.

И. Лакатос [6] следующим образом характеризует дихотомию данного процесса: «История науки есть история событий, выбранных и интерпретированных некоторым нормативным образом. И если это так, то проблема оценки конкурирующих логик научного исследования и, следовательно, конкурирующих реконструкций истории — проблема, на которую до сего времени не обращали внимание, приобретает первостепенное значение».

Эту особенность хорошо раскрывает Е.И. Беляев [7]: «Цель философствования — добиться ясности значения, а однозначность — это, в конце концов, идеал. Непосредственная забота исследователя состоит в том, чтобы устранить неясности и двусмысленности. Возможно, что единая точка зрения недостижима, однако ясность и последовательность вполне вероятна. Даже если ученые и вкладывают различные значения в понятия... все равно они могут точно сказать, что конкретно под ними подразумевают».

Импонирует позиция П.В. Ушакова [8], согласно которой «рациональное познание базируется на эмпирико-аналитических и научно-теоретических формах исследования действительности в науке и технике, связано с рациональными философскими учениями, широко реализуется в материально-производственной сфере, в социальных науках и сфере образования. Обосновано, что внерациональное познание — очень широкий по объему гносеологический феномен. Оно может включать в себя все формы познания объективной

и субъективной действительности и результаты, полученные всеми остальными методами, за исключением рационально-логических».

П.Д. Павленок [9] в своей работе указывает, что «знания о мире в целом объективно обуславливают деление наук на три взаимосвязанные группы: естественные, технические и общественные. Данная классификация является обоснованной, поскольку основным критерием для упорядочения такого широкого деления является разнообразие объектов изучения».

Здесь необходимо выделить два обстоятельства:

- философско-методолгический анализ любой науки (естественные, технические и точные, социально-гуманитарные) принадлежит к сфере исторического социального познания: научное знание — сугубо социальный процесс и феномен человеческой культуры, отраженные в их историческом развитии;
- фиксированное разделение наук на виды утрачивает свою функциональность на современном этапе развития общества, вступившего в эпоху «цифровой гуманитаристики» («Digital Humanities»), «цифровой философии» («Digital Philosophy») и «цифрового человека» («Homo Digital»).

В современной методологии науки сформированы три основные модели исторической реконструкции науки [10, с. 103]:

- как кумулятивного процесса;
- как развития через научные революции;
- как совокупности сугубо индивидуальных интеллектуальных инициатив (кейс стадис).

Однако эти точность и теоретический прогресс не достигаются даром, они требуют определенных издержек (априори — метафизическая спекуляция). Вот, например, вариант, рассмотренный в работе В.А. Васильева [11]: «Представители философии постмодернизма предпочитают понятие “хаос” понятию “единство”, абсолютизируя принцип плюрализма. Однако монизм не исключает применения принципа плюрализма (дуализма), а принцип плюрализма, в свою очередь, вполне вписывается в рамки монистического видения мира. Монизм и плюрализм — это соотносимые принципы, в которых отражается единство и многообразие бытия, способствуя объективному познанию».

Ситуация еще более усложняется, когда наука простирает сконструированный ею мир на человека в качестве действующего и мыслящего существа, когда она становится социальной наукой. В этом продвижении изначально появились фигуры «Homo economicus», «Psychological man», а затем «Homo sociologicus» и «Homo politicus» [см. 12], а сейчас наступает эра «цифрового человека» («Homo Digital») [см. 13].

Дилемма «экономического» и «повседневного» человека возникает вследствие попыток ученых понять сложные механизмы хозяйственных взаимодействий людей, которые не видны на уровне повседневного практического сознания. Человек как целостное и свободное существо не поддается охвату одной-единственной научной дисциплиной, вероятно, только их синтез (если он вообще возможен) вкупе с философией может дать нам более или менее адекватный образ человека в цифровой эпохе [см. 1–5, 12, 13].

Поэтому стоит согласиться, что классическая философия заиклена на классическом — спекулятивном — философском подходе к проблемам общества

и человека, и потому, возможно, оказалась неспособна своевременно воспринять современных трендов развития философской науки, но в новых научных теориях пока не видится ничего нового в методологическом направлении, кроме как предложения «нового набора инструментов по усовершенствованию методологии» [5] науки.

Методологические основания, с нашей точки зрения, должны основываться на принципиальной позиции: эвристически плодотворное осмысление всего комплекса проблем философии невозможно вне общей концепции философии познания, включающей в себя все составные части традиционной гносеологической теории, современные эпистемологические разработки и предметную область самой философии.

В заключение напомним: любая методология носит спекулятивный характер. Такова классика философии.

Список литературы

1. Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. О предназначении философии и гуманитарного знания в эпоху цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2020. – № 3. – С. 70–76. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-70-76
2. Степанюк В.К. Человек «экономический» и «цифровой»: трансформация человеческой природы в условиях глобализации // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2020. – № 4 (121). – С. 159–163.
3. Макулин А.В. Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2016. – №2. – С. 76–86. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.2.76
4. Орехов А.М. Российская философия экономики: как ей найти взаимопонимание с «новой философией экономики»? (часть I) // Основы экономики, управления и права. – 2020. – №6(25). – С. 11–17. DOI: 10.24411/2305-8641-2020-10011
5. Орехов А.М. Российская философия экономики: как ей найти взаимопонимание с «новой философией экономики»? (часть II) // Основы экономики, управления и права. – 2021. – №1(26). – С. 7–10. DOI: 10.51608/23058641_2021_1_7
6. Лакатос И. История науки и ее рациональная реконструкция // Структура и развитие науки: из Бостонских исследований по философии науки. – М.: Прогресс, 1978. – С. 203–235.
7. Беляев Е.И. Методология концептуального анализа в философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10. – №3. – С. 3–6.
8. Ушаков П.В. Комплексная гносеология и методология познания и преобразования человека в философии и образовании // Философия образования. – 2017. – № 3 (72). – С. 114–124. DOI: 10.15372/PHE20170312
9. Павленок П.Д. Социальные науки: значение в обеспечении жизнедеятельности общества // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. – 2014. – №3 (19). – С. 10–15.
10. Голубев А.В. [и др.] Введение в историю и философию науки: учебное пособие. – М.: ВивидАрт, 2011. – 492 с.
11. Васильев В.А. Методология философии постмодернизма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – №6(777). – С. 370–380.
12. Сорочайкин А.Н. Философия экономики: в поисках новых подходов. – М.: Изд-во Московского университета, 2005. – 192 с.
13. Сорочайкин И.А. Человек в эпоху цифровой реальности // Эксперт: теория и практика. – 2021. – № 4 (13). – С. 42–45. DOI: 10.51608/26867818_2021_4_42

References

1. Guryanova A.V., Timofeev A.V. On the purpose of philosophy and humanitarian knowledge in the era of digitalization. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. 2020. No. 3. P. 70–76. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-70-76
2. Stepanyuk V.K. «Economic» and «digital» man: transformation of human nature in the context of globalization. *Proceedings of F. Skorina Gomel State University*. 2020. No. 4 (121). P. 159–163.
3. Makulin A.V. Intellectual systems in the humanitarian sphere and digital philosophy. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: humanities and social sciences*. 2016. №2. P. 76–86. DOI: 10.17238/issn2227–6564.2016.2.76
4. Orekhov A.M. Russian philosophy of economics: how can it find mutual understanding with the «new philosophy of economics»? (Part I). *Fundamentals of Economics, Management and Law*. 2020. №6(25). P. 11–17. DOI: 10.24411/2305-8641-2020-10011
5. Orekhov A.M. Russian philosophy of economics: how can it find mutual understanding with the «new philosophy of economics»? (Part II). *Fundamentals of Economics, Management and Law*. 2021. №1(26). P. 7–10. DOI: 10.51608/23058641_2021_1_7
6. Lakatos I. History of science and its rational reconstruction. Structure and development of science: from the Boston Studies in the Philosophy of Science. Moscow: Progress, 1978. P. 203–235.
7. Belyaev E.I. Methodology of conceptual analysis in philosophy // *Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2010. Vol. 10. No. 3. P. 3–6.
8. Ushakov P.V. Complex epistemology and methodology of knowledge and transformation of a person in philosophy and education. *Philosophy of education*. 2017. No. 3 (72). P. 114–124. DOI: 10.15372/PHE20170312
9. Pavlenok P.D. Social sciences: importance in ensuring the vital activity of society. *Bulletin of the Moscow State Humanitarian and Economic Institute*. 2014. №3 (19). P. 10–15.
10. Golubev A.V. [et al.] Introduction to the history and philosophy of science: textbook. Moscow: VividArt, 2011. 492 p.
11. Vasiliev V.A. Methodology of the philosophy of postmodernism. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*. 2017. №6(777). P. 370–380.
12. Sorochaikin A.N. Philosophy of economics: in search of new approaches. Moscow: Publishing House of Moscow University, 2005. 192 p.
13. Sorochaikin I.A. Man in the era of digital reality. *Expert: theory and practice*. 2021. No. 4 (13). P. 42–45. DOI: 10.51608/26867818_2021_4_42

Информация об авторе

Иван Андреевич Сорочайкин, аспирант, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия. **E-mail:** rotfurst@gmail.com

Information about the author

Ivan A. Sorochaykin, PhD student, Samara State Technical University, Samara, Russian Federation. **E-mail:** rotfurst@gmail.com

НАУКА И ФИЛОСОФИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ: ОБЗОР НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ» (БОРИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ)

© **А.А. Шестаков**

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию 11.12.2021

В окончательном варианте 28.03.2022

■ Для цитирования: Шестаков А.А. Наука и философия в перспективе развития общества знания: обзор научной конференции «Мировоззренческие ориентиры постнеклассической науки» (Борисовские чтения) // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 1. С. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.12>

Аннотация. Приводится краткая аннотация выступлений участников Всероссийской научной конференции с международным участием «Мировоззренческие ориентиры постнеклассической науки» (Борисовские чтения), проходившей 24–25 сентября 2021 г. в Самарском техническом университете. Особое внимание уделяется обоснованию перспективных направлений взаимодействия науки и философии в перспективе общества знания.

Ключевые слова: философия; наука; междисциплинарные исследования; образование; преподавание философии.

SCIENCE AND PHILOSOPHY IN THE PERSPECTIVE OF DEVELOPMENT: REVIEW OF THE SCIENTIFIC CONFERENCE «WORLDVIEWS OF POSTNECLASSICAL SCIENCE» (BORISOV READINGS)

© **A.A. Shestakov**

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Original article submitted 11.12.2021

Revision submitted 28.03.2022

■ For citation: Shestakov A.A. Science and philosophy in the perspective of development: review of the scientific conference «Worldviews of postneclassical science» (Borisov readings). *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(1):84–94. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.1.12>

Abstract. The article provides a brief summary of the presentations of the participants of the All-Russian Scientific Conference with international participation “Worldviews of postneclassical science” (Borisov Readings), which was held on September 24–25, 2021 at the Samara Polytechnic. Particular attention is paid to the substantiation of promising areas of interaction between science and philosophy in the perspective of the knowledge society.

Keywords: philosophy; science; interdisciplinary research; education; teaching philosophy.

В сентябре 2021 г. на базе ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» состоялись вторые «Борисовские чтения», посвященные памяти выдающегося отечественного ученого, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора философских наук, профессора Вадима Николаевича Борисова (1927–1997). С течением времени приходит понимание ценности ушедшей эпохи и потребность воссоздать по крупицам ее богатую историю, обратившись к переосмыслению и неангажированному научному анализу наиболее значимых ее персональных страниц. Профессор Борисов имел неоспоримый авторитет в научном сообществе и глубокое уважение к его творческому наследию объединили на этом научном мероприятии исследователей из самых разных регионов нашей страны и ближнего зарубежья: Москвы, Новосибирска, Тольятти, Самары, Уфы, Санкт-Петербурга, Твери, Нижнего Новгорода, Электростали, Красноярска, Старого Оскола, Казани, Набережных Челнов, Уральска (Республика Казахстан), Минска (Республика Беларусь), Полтавы (Украина). Проблематика постнеклассической науки объединила чрезвычайно разнообразные по своей идейной направленности научные доклады, показав продуктивность формата философского диалога и необходимость плодотворного сотрудничества. Проведенную конференцию можно назвать символическим событием, укрепляющим преемственные связи внутри философского сообщества. Ее целью была актуализация и развитие теоретического наследия В.Н. Борисова, а также в целом разрабатываемой им проблематики философии и методологии науки, реализованной в Твери, Новосибирске и Самаре во второй половине XX в.

Открывая конференцию, и.о. директора Института инженерной экономики и гуманитарного образования Самарского технического университета доктор экономических наук А.В. Васильчиков в своем приветственном слове подчеркнул, что реализуемый проект рассматривается как международный и имеет своей целью объединить изучение мировоззренческих и методологических контекстов постнеклассической науки в отдельную предметную область, придать аналитическим усилиям в этой сфере фундаментальное философское обоснование и вывести на широкий простор современных междисциплинарных проектов.

В своем приветственном слове доктор философских наук А.В. Голубев, представляющий на данном научном мероприятии ученых Республики Казахстан, рассказал о богатых философских традициях философов Республики Казахстан и обозначил перспективные направления сотрудничества ученых Казахстана и России.

Заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Самарского технического университета профессор А.А. Шестаков в своем приветственном слове кратко рассказал о научных направлениях кафедры, истории ее создания и перспективах развития.

Пленарное заседание научной конференции открылось докладом доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ П.С. Кабытова (Самара), в котором была раскрыта ключевая роль В.Н. Борисова в становлении региональной философии и — шире — всех общественных наук региона. Особое внимание было уделено значению усилий В.Н. Борисова в оформлении академического облика не только самарского университета, но и в целом города Самары как одного из центров философской мысли страны.

Доктор философских наук Е.А. Тюгашев (Новосибирск) в своем докладе сосредоточился на проблеме рефлексивной коммуникации в контексте постнеклассической науки. В качестве исторического кейса автор привлекает научное творчество известных философов — В.Н. Борисова и В.П. Фофанова. В докладе показано, как парадигмальность научных исследований снимается рефлексивной коммуникацией. В свою очередь, вертикальная рефлексивная коммуникация в структуре научного сообщества актуализирует и пересматривает имеющееся классическое наследие. Вместе с тем горизонтальная рефлексивная коммуникация учитывает духовный опыт других научных направлений, философских дисциплин и исторических типов мировоззрения.

Доктор философских наук С.Н. Корсаков (Москва) в своем выступлении остановился на калининском периоде творческой деятельности В.Н. Борисова. В Калининском педагогическом институте он работал под руководством А.В. Савинова, изучая логические и психофизиологические основы мышления. Под его руководством он защитил кандидатскую диссертацию и позже написал статью о логической школе этого ученого. В дальнейшем он подготовил первый вариант докторской диссертации, в котором попытался использовать идеи Сеченова и Павлова для разработки философских вопросов мышления. Однако диссертация была отвергнута лысенковцами из сектора философских вопросов естествознания Института философии АН СССР. В Калининском пединституте В.Н. Борисов занимался вопросами диалектической логики. В целом он придерживался позиций П.В. Копнина и Э.В. Ильенкова, не впадая при этом в односторонний гносеологизм. Автор приходит к выводу, что творческая эволюция Борисова естественным образом привела к той логико-гносеологической проблематике, которую он развивал далее в Новосибирске и Самаре.

Доктор философских наук, профессор А.А. Шестаков (Самара) привлек внимание аудитории к проблеме современной интерпретации известной идеи В.Н. Борисова относительно взаимосвязи предметного и рефлексивного уровней познания. Для обоснования своих взглядов докладчик привлек идею Бурдье о научных полях как властных институтах. Использование этого теоретического конструкта позволяет, с точки зрения докладчика, конкретным образом проследить взаимодействие предметного и рефлексивного уровней в познавательном процессе.

Доктора философских наук А.Ф. Кудряшев и О.И. Елхова (Уфа) в своем докладе говорили о необходимости философии для человека и общества, при этом само содержание понятия необходимости сужается авторами до полезной необходимости. Вопрос «необходима ли философия?» является злободневным, поскольку в вузах России в течение ряда последних лет продолжается сокращение учебных часов, выделяемых на философские дисциплины. Отмечается также устойчивое неприятие классической философии в ученых кругах и общественном мнении. Налицо противоречие между всеобщностью философских положений и предубеждением против ее полезности. Докладчики ставят вопрос: есть ли в философии такое содержание, которое делает ее незаменимой с точки зрения приносимой пользы? Что именно философия, и только философия, может дать обществу?

В заключении доклада был сформулирован ряд выводов. В частности, утверждается, что философия оказывается востребованной в развивающемся

обществе. Полон оптимизма и заключительный тезис, согласно которому при всей непростой судьбе современной философии она сумеет выжить и сохранить свое метафизическое ядро — *Philosophia perennis*.

Доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан М.Д. Щелкунов (Казань) в своем докладе остановился на философской подготовке студентов высшей школы. Он подчеркнул, что в последнее время философия стала терять востребованность у большинства участников образовательного процесса. Для сохранения достойного статуса этой дисциплины преподавателям предстоит в серьезной степени модернизировать как ее содержание, так и способы и формы подачи материала. Одним из возможных путей обновления курса философии, по мнению М.Д. Щелкунова, является целевая переориентация на освоение обучающимися универсальных компетенций, прописанных в государственных образовательных стандартах. В таком случае философский контент становится средством достижения этой цели, а философское наследие — теоретической основой овладения соответствующими компетенциями. Докладчик подробно остановился на опыте Казанского федерального университета, где с недавнего времени курс философии стал инструментом формирования компетенции «Системное и критическое мышление». С целью усиления востребованности философии в вузе автор предложил конкретные способы повышения роли и значения философии в процессе обучения.

Доктор философских наук, профессор В.П. Филатов (Москва) обратился в своем докладе к теме социального понимания. Ядром социального понимания является способность человека понимать ментальные состояния других людей. Традиционно это была проблема «другого сознания», которой занимались многие философы от Декарта до Гуссерля и Витгенштейна. Ныне она перестала быть предметом «кабинетной философии» и превратилась в область, в которой философия стала тесно взаимодействовать с когнитивными науками — когнитивной психологией, нейронаукой, когнитивной лингвистикой и эволюционной психологией. В дискуссиях о когнитивных механизмах, обеспечивающих социальное понимание, преобладают два основных подхода: теория-теории и теория симуляции, а также различные варианты их интеграции. В докладе было подчеркнуто, что исследования социального понимания в современных условиях приобрели экспериментальный характер. Это связано, прежде всего, с развитием нейронауки, с открытием «зеркальных нейронов», обеспечивающих базисный, субличный уровень понимания другого.

Доктор философских наук, профессор Н.М. Твердынин (Москва) в своем докладе привлек внимание к междисциплинарному взаимодействию и феномену ложной аналогии. Недостоверность отдельных результатов, а часто и ошибочность выводов проистекают из неправильного применения метода аналогии и возникновения у исследователя ложной аналогии относительно свойств изучаемого объекта. Ложная аналогия имеет ряд особенностей, которые затрудняют ее обнаружение в процессе научного поиска. Причины возникновения ложной аналогии имеют различное происхождение и могут быть вызваны недостатком данных, ошибочностью метода их обработки, низкой квалификацией исследователя, в частности, привнесением им в научную методику приемов обыденного сознания.

Доктор философских наук, профессор В.А. Нехамкин (Москва) в своем докладе сосредоточился на анализе трансдисциплинарного уровня междисциплинарности и его эвристическом потенциале. В феномене трансдисциплинарности автор выделил ряд уровней: собственно дисциплинарный, трансдисциплинарный, проблемный, объектный. Первый отражает становление междисциплинарности на уровне конкретных наук, второй — формирование универсальных моделей познания в синергетике и системном подходе, третий — концентрацию наук вокруг какой-либо одной проблемы, четвертый — какого-либо определенного объекта (например, семьи, собственности и т. д.). Главное внимание докладчик уделил трансдисциплинарному уровню междисциплинарности. Было отмечено, что сформированные в синергетики системном подходе модели познания широко применяются в различных науках, независимо от их принадлежности к естествознанию или гуманитаристике.

Доктор философских наук, профессор Э.А. Тайсина (Казань) в своем докладе сосредоточилась на проблеме — является ли знание обоснованным истинным убеждением? Докладчик исходит из того, что знание — это обоснованная, или доказанная, истинная вера/убеждение; эти три качества создают необходимые и достаточные условия для того, чтобы некое ментальное состояние называлось знанием. Вместе с тем исключительно эпистемологический анализ, даже и предельно скрупулезный, не охватывает всех видов знания; более того, такой тип анализа фактически не затрагивает само родовое понятие знания.

Доктор философских наук, профессор А.И. Лойко (Минск, Республика Беларусь) в своем докладе отметил, что феномен техники традиционно рассматривается в контексте его присутствия в природных и искусственных экосистемах. Автор выявляет особенности эволюции техники под влиянием коэволюционной модели жизнедеятельности человечества, разработанной под впечатлением растущих рисков разрушения динамического равновесия биосферы. Особое внимание докладчик уделяет описанию особенностей эволюции техники в искусственных экосистемах на основе конвергентных технологий и возможностям сопряжения приоритетов минимизации антропогенного давления техносферы на биосферу со смарт-технологиями.

Доктор философских наук, профессор В.И. Кудашов (Красноярск) сосредоточился на роли технонауки в социально-политическом развитии. С его точки зрения, социальные технологии — это реализация социальных функций субъекта на уровне организационной и проектировочной деятельности. Вместе с тем в социотехническом знании сохраняется доля искусства и вненаучного опыта, поскольку в современной технонауке многие виды знания и технологии взаимосвязаны, поэтому нужна теория социальной эпистемологии в качестве философской основы разработки теории и проектирования социальных технологий. Социальная эпистемология анализирует нынешнюю ситуацию общества, в котором обеспечивается свобода слова и, одновременно, смешивается постправда и квалифицированное научное знание. Постправда, по мнению автора, эксплуатирует популярные образы науки.

Доктор философских наук М.И. Пантыкина (Тольятти) в своем докладе обращается к проблеме подготовки научных текстов в условиях трансформации современной науки. Автором предлагается решение этой проблемы с использованием теоретико-методологических возможностей акторно-сетевой теории.

На основе анализа работ родоначальника этой теории Б. Латура была предложена система методических приемов: метод контроверз, описание, объяснение и перевод, которые обеспечивают интеграцию процессов проведения исследования и написания научных текстов. В результате делается вывод о необходимости последовательного развития методологии Б. Латура и ее апробации при подготовке научных кадров.

Доктор философских наук И.В. Демин (Самара) сопоставил в своем докладе два подхода к проблеме соотношения идеологии и науки, вытекающие из альтернативных философских парадигм «научного реализма» (Э. Агацци) и «конструктивизма» (П. Фейерабенд). В докладе было отмечено, что Э. Агацци признает и обосновывает автономию науки по отношению к идеологии, тогда как Фейерабенд рассматривает науку как форму идеологии. Помимо этого, Агацци различает два аспекта науки (научную деятельность и научное знание), тогда как Фейерабенд рассматривает науку, по преимуществу, как деятельность, обусловленную внекогнитивными факторами и общим социокультурным контекстом.

Доктор философских наук, профессор М.А. Можейко (Минск, Республика Беларусь) объектом исследования выбрала дифференциацию традиционных культур Запада и Востока. Целью доклада являлась экспликация детерминант фундаментальных различий традиционных культур восточного и западного образца. В докладе это прослеживается на примере таких общественных сфер, как нравственное сознание, тип философствования, религиозные установки, языковые системы (грамматические конструкции, в частности) и т. п.

Работа секций началась с выступления канд. филос. наук, доцента С.М. Кусковой (Электросталь). Она сосредоточилась на вопросе познания предметов, понимаемых не как индивиды, а как совокупности. Ориентируясь на положения Канта о проецировании субъектом структуры собственной организации на объект, автор пытается найти такие априорные формы общественного сознания, которые задают видение явлений как состоящих из однородных частей.

Доктор физико-математических наук, профессор Р.Р. Мухин (Старый Оскол) в своем докладе обратился к феномену качественной теории. Качественная теория, с точки зрения докладчика, явилась завершением классической математики и переходом к современной математике. Однако это не только новая математическая теория, но и новая математика в физике, экономике, гуманитарных науках. Она преобразила облик самой математики и сферу ее приложений. Автор приходит к выводу, что качественные методы затронули все наше миропонимание, поставив вопросы об основах научного знания.

М.С. Ухин (Москва) в своем докладе рассмотрел вопрос о масштабной инвариантности как онтологическом основании междисциплинарных исследований. Автор выстраивает свой анализ на осмыслении материала фрактальной геометрии Мандельброта. Обращение к фрактальной размерности, с точки зрения автора, позволяет выявить существенные характеристики нового метрического подхода — мереологии — и предложить тем самым обоснование доступа к реальности через масштабную инвариантность со стороны междисциплинарных исследований при изменении дисциплинарной матрицы.

Доклад доктора философских наук Т.Г. Стоцкой (Самара) был посвящен анализу тенденций, отражающих трансформацию ценности знания в реалиях современного информационного общества. Автор отмечает, что к единой

терминологии, дающей определение этой стадии развития общества, исследователи пока не пришли. Концепты «информационное общество», «цифровое общество», «общество знания», «когнитивный капитализм» и другие появились как результат понимания и признания того факта, что информация и знания становятся сегодня важнейшим ресурсом. Для современного знания характерен (1) отход от создания законов и теорий; наука ограничивается моделями. В качестве тенденций, отражающих актуальное состояние научного знания, выделены: (1) противоречия в строении картины мира, созданной наукой и внутренние противоречия в самой структуре научного знания (работы Куна, Поппера, Фейерабенда); (2) приоритет развития технологии. Если раньше усилия ученых были направлены на создание теорий и законов, то теперь наука все реже достигает этого уровня обобщения, концентрируя свое внимание на моделях, характеризующихся многозначностью возможных решений проблем. Для особого знания характерен (2) «ситуативный» характер. Значительная часть научных исследований в современных условиях проводится в прикладных областях и посвящается разработке моделей организации структур, оптимальных именно в данное время и в данных конкретных условиях. Результаты таких исследований актуальны непродолжительное время: изменяются условия и такие модели устаревают. Автор приходит к выводу, что в современных условиях наука утрачивает роль системообразующего фактора, сформировавшегося в индустриальную эпоху.

П.С. Одинцов (Москва) в своем выступлении проанализировал истоки и основные положения релятивистской теории познания. В выступлении анализировались подходы Имре Лакатоса, Томаса Куна, Пола Фейерабенда, а также современный подход Бруно Латтура, позволяющий наиболее полно связать релятивность и междисциплинарность. Автор выявляет такие преимущества релятивизма: (1) способность анализировать сложный процесс производства знания, демонстрирующий преимущество междисциплинарного подхода, а также (2) серьезный потенциал в выстраивании пространства научной коммуникации.

Кандидат философских наук С.В. Юровицкий (Самара) подробно остановился на двух подходах к формированию научной картины мира: философском и естественно-научном. Автор через диахронический подход демонстрирует их противоположность и сходство в диалектическом единстве. Особый акцент докладчик сделал на необходимости синтеза философского и естественно-научного подхода в рамках единой научной картины мира.

Кандидат философских наук С.Ю. Горшков (Самара) обратился к проблеме управления информационными потоками, в том числе через создание медиатекста в качестве особого продукта, активно влияющего на механизм поведения массового потребителя. Как сложное структурное новообразование медиатекст содержит эффективный инструментарий для организации информационного пространства. Рассмотрение данного вопроса, с точки зрения автора, позволяет прояснить национально-культурную специфику организации информационного пространства.

Кандидат философских наук И.С. Кауфман (Санкт-Петербург) в своем выступлении отметил, что историография медицины переживает бурный расцвет в последние десятилетия, связанный как с внутридисциплинарными

изменениями в историко-научных исследованиях: постоянным освоением нового научного материала, ростом интереса к истории античной, средневековой и новоевропейской медицины, осознанием сложной связи истории медицины с историей других научных дисциплин, так и вхождением современных биомедицинских исследований в группу наиболее перспективных технологий.

Кандидат философских наук В.И. Миськевич (Минск, Республика Беларусь) обратился в своем выступлении к проблеме образования и саморазвития личности в контексте вызовов информационной цивилизации. Свое выступление докладчик сопроводил множеством примеров развития общественно-политического процесса в Республике Беларусь.

Доктор философских наук И.В. Цветкова (Тольятти) в своем выступлении сосредоточилась на принципах проектного обучения, которые были в свое время сформулированы в гуманистической педагогике прагматизма. Особое внимание автор уделяет противоречиям трактовки проектного обучения, проявляющимся в практике современного образования.

Доктор философских наук В.М. Маслов (Нижний Новгород) в своем докладе проанализировал практику использования новейших информационно-коммуникационных технологий в университетском преподавании философии.

Доктор социологических наук Е.В. Желнина (Тольятти) сосредоточилась на оценке качества дистанционного образования. Одним из возможных решений проблемы является проведение комплексного анализа показателей дистанционного образования, а также анализ сообщений из релевантных сообществ в социальных сетях. В докладе был предложен методологический подход, позволяющий осуществить цифровой поиск целевой аудитории с последующим извлечением релевантных сообщений.

Аспирант И.А. Сорочайкин (Самара) посвятил свое выступление осмыслению методологических проблем развития философии в современных социально-экономических условиях с учетом фактора формирования «цифровой философии» и «цифрового человека». Автор исходит из того, что на каждом этапе развития человека и общества совокупность методологических концепций познания изменяется с учетом информационной среды, созданной предшественниками, и влияния на ее содержание не только философии, но и всей культуры общества. Автор приходит к выводу, что только общая концепция философии познания в синтезе с другими частями традиционной гносеологической теории и современными эпистемологическими разработками способна предложить методологическую основу для эффективного освоения обществом достижений цифровой эпохи.

Доктор философских наук В.Т. Фаритов (Самара) в своем выступлении обратился к анализу рецепции учения Ф. Ницше в русской религиозной философии. Основное внимание автор уделил идее кризиса европейской философии и культуры. Докладчик приходит к выводу, что для русской философской мысли кризис западной метафизики становится исходным пунктом своего развития.

Доктор философских наук, профессор Т.В. Филатов (Самара) проследил творческую эволюцию Витгенштейна в направлении от «Логико-философского трактата», интерпретируемого в качестве финитной теории, претендующей на завершение философии, к «Философским исследованиям» с их концепцией «языковых игр», которым присуща принципиальная трансфинитность. Автор

приходит к заключению, что Витгенштейн в своем творчестве преодолевает временные рамки эпохи модерна, эволюционируя в направлении постмодерна.

Доктор философских наук, профессор В.П. Барышков (Санкт-Петербург) в своем докладе интерпретирует проблему ценности в творчестве Л. Витгенштейна. С точки зрения автора, мистицизм этого мыслителя носит холистский характер. Феномен ценности получает интерпретацию как нечто иррациональное и представляет собой мистическую интуицию мира как целого.

Доктор философских наук В.Б. Малышев (Самара) в своем выступлении обратился к сопоставлению онтологии М. Хайдеггера и методологии Л. Витгенштейна. Автор утверждает, что основной термин философии Л. Витгенштейна — *Bild*. Вместе с тем тот же термин является ключевым и для работы М. Хайдеггера «Время картины мира». Для сравнения теоретических идей философов автор вводит в оборот теоретический конструкт «метафизический циферблат» в качестве базовой метафоры европейского мирозерцания.

Аспирантка Ю.В. Буртовая (Самара) в своем выступлении сосредоточилась на проблеме научного капитала в контексте гендерной проблематики. В выступлении было раскрыто влияние гендерного образа школьных научных дисциплин на выбор карьеры молодыми людьми. Также в выступлении был проанализирован гендерный стереотип школьных научных дисциплин среди учащихся женского и мужского пола и влияние гендерных исследовательских стереотипов на карьерные устремления молодежи.

Кандидат философских наук Ю.Л. Баньковская (Минск, Республика Беларусь) в своем выступлении проанализировала сущность сетевого подхода, показала специфику его применения для раскрытия конфликтов и рисков современного общества. С точки зрения автора, сетевые конфликты выступают фактором социального риска, негативно воздействуют на функционирование всей социальной системы. В итоге автор приходит к заключению, что последовательное изучение сущности сетевых конфликтов является необходимым условием стабилизации общества.

Кандидат философских наук Р.О. Исаев (Самара) обратился к онтологии устойчивого развития. В современном мире устойчивое развитие — это не просто одна из возможных тенденций, а категория, которая претендует на организацию нового мира. Развивая эту идею, автор раскрывает функции категорий в контексте развития различных форм мышления.

Доктор социологических наук С.П. Дырин (Набережные Челны) в своем выступлении остановился на приоритетности жизненных целей в российской провинции. Выступление основывалось на результатах социологического исследования жизненных целей, проведенного автором в 2021 г. в г. Набережные Челны. По итогам исследования автор выделяет 4 блока важных жизненных целей, наиболее четко выраженных у опрошенных.

Н.Г. Волик (Полтава, Украина) в своем выступлении остановилась на современных процессах, происходящих в духовной жизни современной Украины. Особое внимание было уделено состоянию преподавания философии в вузах.

Кандидат философских наук, доцент Н.А. Балаклеец (Самара) обратила внимание присутствующих на постгероический характер современных войн. Особое внимание было уделено раскрытию философско-антропологических, социальных и этических аспектов внедрения дронов в современную военную

практику. Активное внедрение дронов в современных военных конфликтах приводит к трансформации идентичности бойцов, которые участвуют в высокотехнологичных войнах. Если идентичность комбатантов традиционных войн может быть описана с помощью традиционной дихотомичной структуры «убивающий — убиваемый», то постгероическое вооруженное насилие приводит к формированию расколотой идентичности. С одной стороны, в вооруженном конфликте участвует комбатант, надежно защищенный от смертельных рисков и угроз, с другой стороны, — его беззащитная жертва, представленная в качестве цифрового объекта. Кроме того, в докладе были рассмотрены векторы возможной эволюции и перспективы асимметричных сценариев развития вооруженного насилия в постгероическом обществе.

Кандидат философских наук С.В. Ряполов (Москва) в своем выступлении анализирует особенности интерпретации тем смерти, бессмертия, вируса и языка в творчестве Уильяма С. Берроуза. Автор отмечает, что многие мысли, высказанные этим писателем на страницах эссе и романов, оказались пророческими, созвучными актуальным страхам современности.

Аспирант С.Р. Муртазин (Казань) в своем выступлении остановился на связи феномена «ковид-диссидентства» с процессом обесценивания экспертного знания. В качестве одной из главных предпосылок этого процесса рассматривается чрезмерная уверенность каждого отдельного человека в собственных знаниях и способностях, нежелание ставить их, а также свои убеждения, под сомнение, а также непонимание основных принципов функционирования экспертного знания. По мнению выступающего, сохранению оптимального баланса между сомнением и верой в отношениях между экспертами и обывателями может помочь философия, качественно интегрированная в процесс образования.

Аспирантка Е.М. Гробер (Самара) в своем выступлении раскрыла основные тенденции трансформации гражданского самосознания. Данная тема рассматривается автором на примере участия граждан в социально значимых проектах в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. В своем выступлении автор обстоятельно раскрыла основные особенности проявления гражданского самосознания и предложила пути решения актуальных проблем формирования гражданского самосознания в современном обществе.

Е.А. Тонкошкурова (Самара) в своем выступлении обратилась к понятиям архитектоники и формы в философии М.М. Бахтина. Само определение данных понятий М.М. Бахтиным предполагает пересмотр традиционного взгляда на методологию исследования литературного произведения, или текста. Автор убежден, что это обстоятельство ведет к формированию нового типа методологии, способной преодолеть противоречия в традиционных подходах к изучению современного мира.

В.Е. Редникина (Самара) обратилась в своем выступлении к философскому анализу современных стратегий трансдисциплинарности. Сам факт появления методологии трансдисциплинарности вызван внутренними и внешними факторами. К внешним факторам автор относит: появление проблемно ориентированных исследований; возникновение феномена массового производства знаний с участием представителей различных научных дисциплин; становление социальных институтов, обеспечивающих восприятие, накопление, распределение и применение получаемой научной информации. Внутренние

причины возникновения методологии трансдисциплинарности связаны с увеличением проблемных исследований, в которых классические (дисциплинарные) формы научного знания сочетаются с появлением трансдисциплинарных конфигураций.

Подводя итоги изложенному выше, можно констатировать, что конференция «Мировоззренческие ориентиры постнеклассической науки» представляет собой опыт современного осмысления проблематики философии науки в контексте идей междисциплинарности. Лейтмотивом конференции стало неоднократно акцентированное участниками убеждение в том, что необходимо максимально поддерживать развитие региональной философии, отдавая долг уважения ее выдающимся представителям. Диалог разных поколений в философии, коллаборации различных регионов и научных школ являются перспективным направлением, имеющим, будем надеяться, продолжение. Конференция состоялась благодаря информационной и технической поддержке Самарского государственного технического университета.

Информация об авторе

Александр Алексеевич Шестаков, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия. **E-mail:** shestakovalex@yandex.ru

Information about the author

Alexander A. Shestakov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Human Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russian Federation.
E-mail: shestakovalex@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

БАНЬКОВСКАЯ Юлия Леонидовна — доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Белорусский государственный аграрный технический университет». E-mail: ulia_bank@tut.by

БУРТОВАЯ Юлия Владимировна — аспирантка кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: julia-08@inbox.ru

ЛОЙКО Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета. E-mail: alexander.loiko@tut.by

МОЖЕЙКО Марина Александровна — профессор, профессор УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств». E-mail: marina-mojeiko@yandex.by

МУХИН Равиль Рафкатович — доктор физико-математических наук, доцент, профессор, Старооскольский технологический институт, (филиал) ФГАОУ Национального исследовательского технологического университета «Московский институт стали и сплавов». E-mail: mukhiny@mail.ru

СОРОЧАЙКИН Иван Андреевич — аспирант, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет». E-mail: rotfurst@gmail.com

ТАЙСИНА Эмилия Анваровна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет». E-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

ТЮГАШЕВ Евгений Александрович — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет». E-mail: filosof10@yandex.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет». E-mail: vfar@mail.ru

ФЕДЯЕВ Александр Петрович — доктор философских наук, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры». E-mail: Fedyaeva.Rimma@mail.ru

ФИЛАТОВ Тимур Валентинович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики». E-mail: tfilatoff1960@mail.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК САМГТУ. СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно. Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат».

В редакционный совет журнала «Вестник СамГТУ. Серия Философия» необходимо представить:

- файлы на информационном носителе (CD, DVD или др., по электронной почте):
 - скан рекомендации кафедры;
 - скан заполненного лицензионного договора.
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - сведения об авторе(ах);
 - рекомендацию кафедры (научного подразделения) с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
 - заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учебы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус — напр. «аспирант»).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).

Автор может факультативно указать о себе иные дополнительные сведения. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи:

1. Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям научной публикации.
2. Представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны.
3. Материалы должны соответствовать профилю журнала.
4. Название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать ее содержанию.
4. Во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу.
5. Выбранные методы должны быть адекватны поставленным задачам.

6. Результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким.

7. За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несет автор(ры) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.

8. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:

- текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла со статьей дается по фамилии первого автора (например: Petrov_text.doc или Petrov_text.rtf);
- язык публикаций — русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке;
- формат бумаги А4;
- параметры страницы: поля — верхнее 3 см, левое и нижнее 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
- к публикации принимаются статьи объемом до 0,75 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объемом до 0,5 п. л.; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных ученых или юбилейных датах, некрологи) в объеме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).

2. Название статьи на русском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) дается на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).

3. Инициалы, фамилия автора(ов) (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

4. Название основного места работы (учебы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).

5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

6. Ключевые слова на русском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти — Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.

8. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).

9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов), библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей — 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются).

10. Название статьи на английском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).

11. Инициалы, фамилия автора(ов) на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

12. Название учреждения(ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).

13. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

14. Ключевые слова (Keywords) на английском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

15. Сведения об авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.